

«Кто ны разлучит от любви Божия...»

НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ МОСКОВСКИЕ

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ
ВИКАРИАТСТВО

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
МОСКВА 2018

СЛОВО СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

Мученичество, по-гречески «мартирия», — это свидетельство. Это не просто насильственная смерть — это свидетельство о вере, о Боге как о величайшей ценности, ради которой можно и нужно отдать жизнь. Чем более секуляризируется современная культура, тем менее понятен современному человеку этот подвиг мучеников. Люди с легкостью меняют свои убеждения, с легкостью отказываются от своей родины, не считают возможным рисковать своей жизнью, чтобы спасти другого человека. Для нашего современника подвиг мучеников — это действительно вызов колоссальной силы...

Мучениками не рождаются, мучениками становятся. Кровь мучеников становится семенем христианства не только по факту жизни и по факту смерти этих людей. Мученики — это не только пример доблести, силы духа, способности смело принять смерть, потому что и другие, неканонизированные, поступали так же. Для нас мученик — это человек, за свою жизнь сконцентрировавший такую силу духа, что его смерть становится семенем веры для многих и многих людей.

Вот такими были новомученики и исповедники Церкви Русской, пострадавшие в прошедшем XX столетии, в том числе и служившие, и принявшие мученический венец в нашем первопрестольном граде Москве. Благодаря их подвигу в наши дни возродилась вера в народе нашем. Их кровь стала семенем христианства для тысяч и тысяч людей. И дай Бог, чтобы память о них помогла бы нашим современникам осознать, что же означает верность Христу.

ОТКРЫВАЯ СЕРИЮ

Гонение на Церковь Христову, бурей пронесшееся по всем городам и весям земли Русской в прошедшем XX веке, не обошло и первопрестольный град Москву. Оно началось с обстрела соборов Кремля в октябрьские дни 1917 года и затем коснулось всех храмов и монастырей города. Православные москвичи во главе с исповедником святителем Тихоном, Патриархом Московским и всея России, встали на защиту веры христианской, и многие из них приняли страдания нередко даже до смерти. В эти годы в 161 храме современной Московской городской епархии совершали свое служение Богу и людям 204 священнослужителя и верных мирян, прославленных ныне в лике святых.

По благословию Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла настоящим сборником начинается издание серии житий новомучеников и исповедников города Москвы под общим названием «Кто ны разлучит от любви Божия...». Сборники будут содержать жития святых, сгруппированные по викариатам, а для Центрального викариата — по благочиниям, так как с храмами центра города связано очень большое количество новомучеников.

Публикация книг серии позволит священнослужителям и прихожанам московских храмов ближе соприкоснуться с подвигом, совершенным нашими предшественниками, новомучениками и исповедниками Церкви Русской, жившими в первопрестольном граде.

*Протоиерей Кирилл Каледа,
председатель Комиссии по исследованию подвига
новомучеников и исповедников и по увековечиванию памяти
почивших священнослужителей Московской городской епархии*

СЕРГИЕВСКОЕ БЛАГОЧИНIE

Священномученик Сергей Лебедев,
пресвитер

Священномученик Василий Смирнов,
пресвитер

Священномученик Николай Толгский,
пресвитер

Священномученик Иоанн Хрусталеv,
пресвитер

Священномученик Сергей Станиславлев,
диакон

Мученик Николай Некрасов,

Блаженная

Матрона Анемнясевская,
исповедница

Священномученик Владимир Моринский,
пресвитер

Священномученик Григорий Самарин,
диакон

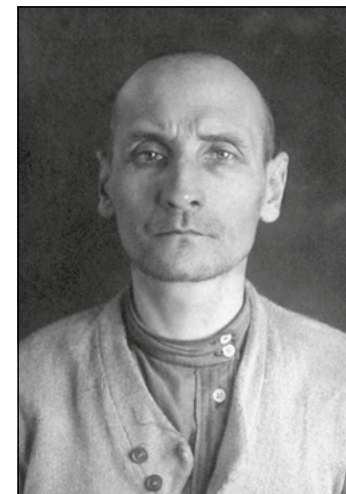
**Храм Воздвижения Креста Господня
в Алтуфьеве**

**Священномученик
Сергий Лебедев, пресвитер**

Священномученик Сергий родился 16 сентября 1895 года в семье священника Петра Михайловича Лебедева, служившего в Благовещенской церкви в селе Салькове Подольского уезда Московской губернии. В 1910 году Сергий окончил Донское духовное училище в Москве, а в 1916 году — Московскую духовную семинарию. Сразу же после окончания семинарии в связи с войной он был мобилизован в армию, где прослужил до 1917 года. В 1920 году Сергий был рукоположен во священника. В это время его отец служил в храме Воздвижения Креста Господня в селе Алтуфьеве Московского уезда; в 1927 году отец

Петр скончался, и в Воздвиженском храме стал служить его сын. В 1929 году хозяйство отца Сергия было записано как кулацкое и все имущество реквизировано, но затем, после хлопот и просьб, оно было возвращено.

В 1937 году в связи с приказом НКВД о начале массовых репрессий оперуполномоченный Мытищинского отделения НКВД, в территориальное подчинение которого входило в то время село Алтуфьево, начал оформлять документы на арест отца Сергия. В декабре 1937 года и в начале января 1938 года он вызывал к себе нескольких свидетелей. Протоколы с показаниями у него были написаны заранее, и требовалось только их подписать. Свидетелям он объяснял, что дело на священника уже составлено и только требуется всего лишь его дооформить. Говорил оперуполномоченный это, впрочем, таким тоном, что свидетелю казалось, что если он не подпишет протокол с предложенными показаниями, то его самого непременно арестуют. Некоторые свидетели были дежурными и подписывали, не читая, свидетельские показания не только на священника, но и на других жителей села. Один из дежурных свидетелей был инициатором создания колхоза и корреспондентом местной газеты, впоследствии он стал председателем сельсовета в Алтуфьеве.

*Священник Сергий Лебедев.
Москва, Таганская тюрьма.
1938 г.*

Отец Сергей Лебедев был арестован в праздник Богоявления, 19 января 1938 года, и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На следующий день следователь вызвал его на допрос, и затем священника допрашивали в течение двух дней непрерывно.

Выяснив у отца Сергея, что его брат арестовывался в 1930 году, следователь сказал:

— Вам известно, что ваш брат был судим за совершение террористического акта над председателем сельсовета села Виноградова, а также известно, что соучастники его дела 1930 года в 1937 году вновь были арестованы и осуждены? Что вы скажете теперь?

— Об этих фактах я слышал, но утверждать не могу, — ответил священник.

— Следствие располагает данными, что вы, проживая в зоне специального обслуживания, часто посещали запретную зону. Для какой цели вы посещали запретную зону?

— В запретной зоне я никогда не был. Я совершал прогулки по лесу, поскольку это мне рекомендовали врачи. Никаких других целей я не преследовал.

— Следствию известно, что вы во время выборов в Верховный Совет выступали с контрреволюционной клеветой на политику Советского Союза. Что вы скажете по данному вопросу?

— Контрреволюционных выступлений с моей стороны не было.

— Намерены ли вы давать следствию правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности? — задал следователь священнику последний вопрос.

Священномученики Сергей Лебедев,
Николай Толгский и Василий Смирнов, пресвитеры

— Никакой контрреволюционной деятельности никогда и нигде не вел, — ответил отец Сергей.

На этом следствие было закончено. 26 января 1938 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу.

Священник Сергей Лебедев был расстрелян 31 января 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в общей безвестной могиле.

В августе 1938 года некоторые из сотрудников Мытищинского отделения НКВД были арестованы по обвинению в практиковавшихся ими незаконных методах ведения следствия. При аресте оперуполномоченный, ведший следствие по делу отца Сергея, покончил жизнь самоубийством, застрелившись.

Имя священника Сергея Лебедева включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 7 мая 2003 года. Память священномученика Сергея совершается 18/31 января, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской и в Соборе новомучеников, в Бутове пострадавших.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Священномученик Василий Смирнов, пресвитер

Священномученик Василий родился 29 марта 1870 года в селе Казанском¹ Богородицкого уезда Московской губернии в семье диакона Казанской церкви Павла Дмитриевича и матушки Марии Васильевны Смирновых. Крестил младенца священник той же церкви — отец Михаил Воскресенский, а восприемниками от купели стали местные крестьяне Филипп Дмитриевич Савдилов и Дарья Петровна Салтыкова.

¹ До 1864 года село называлось Меря.

Дед Василия, протоиерей Дмитрий Алексеевич Смирнов, начинал свое служение во Владимирской церкви села Нехлюдова Московской губернии, а в 1853 году был переведен в Крестовоздвиженскую церковь соседнего села Алтуфьева, где прослужил более двадцати лет. В 1880 году в Алтуфьевский храм назначили отца Павла, уже имеющего сан священника. К тому времени у отца Павла и матушки Марии было четверо детей: Анна, Василий, Екатерина и Александр. (Обе дочери отца Павла стали матушками, Василий принял священство, Александр стал диаконом.) В 1880 году родился сын Николай, но, не прожив и двух недель, умер. Через год в семье родилась дочь Клавдия, также умершая во младенчестве.

Отец Павел недолго прослужил в Крестовоздвиженском храме. В 1882 году, сорока четырех лет от роду, он скончался от чахотки и был похоронен за алтарем, рядом с младенцем-сыном (позже отец Василий приезжал в Алтуфьево совершать панихиды на могилах родных). Матушка осталась одна с малолетними детьми (Василию в это время было двенадцать лет).

Образование Василий Смирнов получил в Московской духовной семинарии. Учиться ему было весьма

Василий Смирнов с супругой Елизаветой и детьми (слева направо) Серафимом, Николаем и Надеждой. Москва

непросто, так как помощи ни от кого ждать не приходилось. По окончании семинарии Василий Павлович начал работать сельским учителем в Спасской церковно-приходской школе графа Орлова-Давыдова в Бронницком уезде. Его мать, Мария Васильевна, к тому времени была определена в просфорницы к церкви Воскресения Христова села Гуслицы Богородского уезда.

Свою невесту, выпускницу Филаретовского духовного училища Елизавету Васильевну Маркову, Василий Павлович встретил в доме просфорницы Анны Ивановны Марковой при Никольской церкви в Новой Слободе. Анна Ивановна приходилась теткой его другу по семинарии, она была хлебосольной, и у нее в доме собирались по традиции все родственники, приезжавшие в Москву. Одно обстоятельство удручало молодого учителя: условием женитьбы на Елизавете было получение места псаломщика. 24 июня 1892 года Василия Смирнова определили в псаломщики к московской церкви святителя Николая в Заяицком. В 1898 году в этом же храме Василий Павлович обвенчался с Елизаветой Васильевной Марковой.

Марковы принадлежали к известному священническому роду. Отец Елизаветы Васильевны служил священником в церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи села Финеева Вереяского уезда. Оба брата Елизаветы Васильевны, Сергей и Иоанн, также были священниками. Дядя, Владимир Семенович, был протопресвитером Успенского собора в Кремле, а затем настоятелем Храма Христа Спасителя. Сыновья второго дяди, диакона Михаила, священники Николай, Петр, Василий,

Сергий и Константин, активно участвовали во всевозможных церковных обществах, имели печатные труды по богословию и церковной истории, преподавали. Отец Петр был сакелларием (ключарем) Благовещенского собора в Кремле, остальные братья — настоятелями московских храмов. Дальний родственник отец Михаил Марков, настоятель Троицкого храма в селе Горетове Можайского уезда, скончался в заключении 16 июня 1938 года и ныне прославлен как священномученик.

У Василия Павловича и Елизаветы Васильевны Смирновых родилось четверо детей: Надежда (1899), Николай (1900), Серафим (1905) и Нина (1908). Второго сына назвали в честь преподобного Серафима Саровского: в 1903 году Василий Павлович участвовал в торжествах по случаю прославления старца.

11 марта 1907 года Василий Смирнов был рукоположен во диакона и назначен письмоводителем правления эмеритальной кассы духовенства Московской епархии (средства этой кассы составлялись из обязательных отчислений от жалованья и шли на выплату денежных пособий и пенсий). Вплоть до 1918 года отец Василий продолжал преподавать, часто безвозмездно: в разные годы был законоучителем церковно-приходских школ — Георгиевского храма на Красной горке на Моховой, Николо-Заяицкой церкви, храма Воскресения Словущего в Таганке, а также Петровско-Яузского и Петровско-Мясницкого городских мужских училищ, Александро-Мариинского женского училища Благотворительного общества, женской гимназии князей Львовых и частной женской гимназии Мартыновой.

Руководство последнего учреждения отмечало: «К преподаванию своего предмета В. П. Смирнов относится с искренним, глубоким и серьезным увлечением, видя в педагогическом деле своем исполнении высокой христианской миссии, на него возложенной. Преподаватель с большим усердием стремится к достижению ученицами самого детального знания предмета, придавая значение всякой подробности, относясь с глубокой серьезностью и одушевлением ко всему, что только входит в содержание “Слова Божия”, заботясь неустанно и неуклонно о том, чтобы не только, например, слова молитвы и их смысл, но и все интонации их произношения усваивались ученицами вполне точно и твердо».

Отец Василий состоял членом Общества педагогов средних учебных заведений Москвы. В 1910 году за усердные труды ему было преподано благословение Святейшего Синода. В 1911 году за десятилетние труды по народному образованию он был награжден серебряной медалью для ношения на груди на Александровской ленте. 28 декабря 1914 года в Кремле (по всей вероятности, в Успенском соборе, где служил дядя матушки Елизаветы) отец Василий был рукоположен во иерея «с оставлением на диаконской вакансии»: Николо-Заяицкой церкви по штату полагался только один священник. В 1917 году за усердную службу его наградили набадренником.

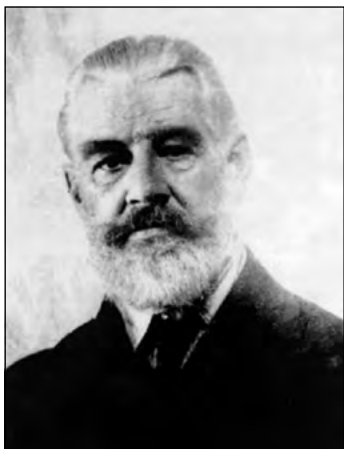
После революции, когда распространялась «анкета для служителей религиозного культа», батюшка отвечал на ее вопросы так: «В каких организациях состоите теперь или каким сочувствуете» — «Ни в каких, кроме религиозных, коим и сочувствую»; «Ваше отношение

к Декрету об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» — «Первому сочувствую, а второму нет»; «Ваше отношение к советской власти» — «Подчиняюсь».

В 1918 году батюшкина семья перешла в разряд «лишенцев», детям закрыли доступ в высшие учебные заведения. Повезло только старшей дочери Надежде, которая до революции успела поступить на физико-математическое отделение Высших женских курсов. Сын Николай, отличавшийся большими способностями, чтобы восстановиться в правах и поступить на механико-математический факультет МГУ, отслужил в Красной армии писарем и затем демобилизовался по состоянию здоровья. Впоследствии он стал членом-корреспондентом Академии наук, и его научные труды получили мировую известность. Младшие дети, Серафим и Нина, были лишены возможности получить высшее образование.

Одной из последних семейных радостей отца Василия было венчание 4 декабря 1926 года сына Николая с Евдокией Пospelовой, дочерью священника. В этот день в Николо-Заяицком храме служил дядя жениха священник Иоанн Васильевич Марков, пел приглашенный хор Пятницкого. На венчании присутствовало много родственников и друзей.

Квартира у Смирновых была большая, но без удобств, с печным отоплением, газа не было, поэтому готовили на керосинке. Когда подросли дети, приходской совет собрался строить для священнослужителей новый, добротный четырехэтажный дом (на месте нынешнего дома № 25 по Садовнической улице), но помешала

Протоиерей
Василий Смирнов

революция, дом строить не стали. В начале 1920-х годов церковный дом уплотнили: из семи комнат на втором этаже прежним хозяевам оставили только кухню, в квартиру подселили новых жильцов, которые дебоширили и издевались над «поповским отродьем».

После свадьбы молодые переехали жить в большую коммунальную квартиру в Старомонетный переулок. Отец Василий бывал у них редко.

С 1918 по 1927 год отец Василий был последовательно награжден скуфьей, камилавкой, золотым наперсным крестом и возведен в сан протоиерея, а в 1929 году назначен настоятелем Николо-Заяицкого храма. Прихожане любили его и охотно слушали проповеди, в которых он, законоучитель с многолетним опытом, доступно толковал Писание.

Бывшая прихожанка Елена Алексеевна Мамонова вспоминала: «Хорошо помню настоятеля храма батюшку Василия. Худощавый, волосы были с проседью, на зачес, с тонкими чертами лица, внимательный и добрый к людям... После обедни мы с сестрой оставались всегда на панихиду — поминали свою бабушку. Батюшка Василий, бывало, прочтет нашу записку, поглядит в нашу сторону, подойдет к нам и отдаст записку, потом спросит у нас, как здоровье нашей мамы, как учились в школе. Наша мама была очень верующая,

ходила в церковь на службы, и батюшка Василий хорошо знал нашу семью».

Следующие годы в Москве были особенно голодными. Летом 1927-го от чахотки умерла матушка Елизавета, в 1929 году от недоедания и развившейся вследствие этого болезни скончалась незамужняя дочь Надежда, мечтавшая связать свою жизнь с наукой. Отец Василий продолжал жить рядом с храмом, в доме № 2 по Николо-Заяицкому переулку (ныне 2-й Раушский переулок), в комнате на втором этаже, вместе с младшей дочерью Ниной.

После закрытия Заяицкого храма в 1933 году батюшку приютил отец Петр Лагов (родственник невестки Евдокии), настоятель церкви святителя Григория Неокесарийского. В те годы там собрался целый сонм будущих новомучеников и исповедников: многие церкви были закрыты или захвачены обновленцами, и отец Петр принимал священников, лишившихся места служения. Вместе с отцом Василием стал служить протоиерей Александр Крылов из закрытой церкви праведных Богоотец Иоакима и Анны на Якиманке. Как записано в дневнике отца Александра, служили с отцом Петром Лаговым чередой. Вечером после всенощной отец Василий Смирнов всегда говорил проповедь. В 1935 году отца Петра взяли под стражу, как говорили родственники, за совершение требы на дому (выйдя на свободу, он жил в Егорьевске, а затем в Рязани до своей кончины в 1943 году). После его ареста храм святителя Григория Неокесарийского еще два года продолжал действовать. Настоятельством в храме стал священномученик Борис Ивановский. Дочь регента храма

Анна Сергеевна Крылова вспоминала, как отец Василий принимал исповедь, а после службы часто сидел на лавочке у дома причта: тихий маленький старичок в круглых очках.

Когда храм на Большой Полянке был закрыт, отец Василий переехал в подмосковное Кунцево. Последним местом его служения, с 1937 по 1938 год, стал храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» села Знаменского Кунцевского района. Со своими родными батюшка общался редко и тайком, чтобы не навлечь на них беды. (Его сын Николай к тому времени был преподавателем математики Московского педагогического института и одновременно сотрудником Математического института им. В. А. Стеклова АН СССР.) Скорее всего, именно в эти годы отец Василий был удостоен права ношения митры за богослужением. Однако и в этом храме ему не пришлось служить долго: 22 марта 1938 года батюшку арестовали по обвинению в антисоветской агитации и заключили в Таганскую тюрьму. Младшая дочь Нина с мужем Львом Александровичем Башкиным носили ему передачи (зять с раннего детства был прихожанином Заяицкого храма и очень чтит отца Василия).

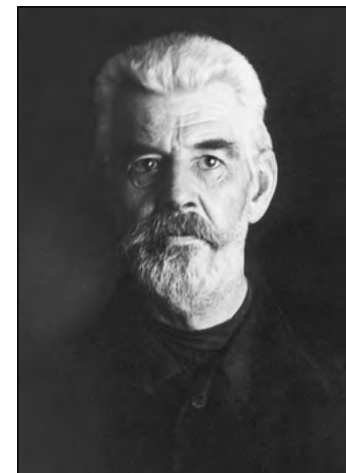
Допрошенные свидетели привели высказывания отца Василия: «Всякая власть должна быть от Бога, а большевики самовольно захватили власть»; «Из Священного Писания видно, что власть, захваченная самозванцами, долго существовать не может, так и советской власти скоро придет конец»; «Советская власть гонит Церковь, арестовывает и расстреливает православных» и др. По словам тех же свидетелей, на квартире

батюшки часто бывали верующие, с которыми он беседовал и для которых «устраивал религиозные обряды».

На допросах и очной ставке отец Василий виновным себя не признал. Обвинительное заключение по ст. 58, п. 10, УК гласило: «В июне месяце 1937 года в разговоре с гр-м Лобендеевским Смирнов говорил (касаясь подписки займа): “Большевики войны не хотят, а сами все вооружаются, только рабочему классу глаза затемняют и всех расстреливают, которые идут за правду, рабочие недовольны советской властью, только пишут в газетах, что всего много, это все вранье, много только для коммунистов, а рабочий стой в очереди целый день, опоздаешь на работу — увольняют ни за что”».

В присутствии Мясниковой и Хановой говорил: «Большевики самовольно взяли власть, а поэтому советская власть существовать долго не может, скоро придет конец, поднимутся все страны на Советский Союз и разобьют, и только тогда рабочий класс будет жить хорошо, вот взять хотя бы 1905 год, сколько побили рабочих через этих большевиков, за это Бог наказал Ленина, а Сталин также своей смертью не умрет».

В присутствии Хоботовой говорил: «Скоро наступит время, когда откроют все церкви, потому что

Фотография
из следственного дела
протоиерея Василия Смирнова.
Москва, Таганская тюрьма. 1938 г.

большевики чувствуют гибель свою, придет управлять страной царь, тогда будут опять жить хорошо».

Летом 1938 года родственникам отца Василия сообщили, что он отправлен в ссылку без права переписки.

7 июня 1938 года постановлением судебной тройки НКВД по Московской области протоиерей Василий Павлович Смирнов был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 1 июля 1938 года, в день празднования Боголюбской иконы Божией Матери, на Бутовском полигоне. Похоронили батюшку в неизвестной общей могиле. О том, что отец Василий Смирнов был расстрелян в 1938 году на Бутовском полигоне, стало известно только в 1990-е годы, когда был получен доступ к архивным документам.

23 августа 1989 года отец Василий был реабилитирован Прокуратурой г. Москвы в соответствии с частью первой статьи 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930–40-х и начала 50-х годов».

Протоиерей Василий Смирнов прославлен на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 года. Память священномученика Василия совершается 18 июня / 1 июля, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской и в Соборе новомучеников, в Бутове пострадавших.

М. Д. Смирнова

Священномученик Николай Толгский, пресвитер

Священномученик Николай родился 20 февраля 1886 года в селе Дорки Бронницкого уезда (ныне Раменский район Московской области) и был восьмым ребенком в многодетной священнической семье. Младенца крестил иерей Сергей Парусников из села Раменского, а восприемником при крещении стал старший брат Сергей, ученик Донского духовного училища.

И отец Николая, священник Василий Григорьевич Толгский, и мать, Мария Петровна (в девичестве Казанская), происходили из потомственного духовенства. Исполненные глубокой веры, они посвятили жизнь служению на большом приходе Михайло-Архангельской церкви села Дорки и заботам о детях, которых воспитывали строго, в уважении к старшим. Главными человеческими качествами отец Василий считал любовь к труду на пользу ближним и отзывчивость к окружающим.

Утром детям полагалось подходить под благословение к родителям, целовать каждому из них руку, желать доброго утра, вечером — спокойной ночи; всякое серьезное дело начиналось с благословения. При доме было большое хозяйство с коровой и лошадью, кормившее семью. С малых лет сыновья и дочери привыкали к крестьянской работе и принимали посильное участие в трудах старших.

Отец Василий сумел дать всем своим детям разностороннее домашнее образование, привил много полезных умений и навыков, которые помогли им выжить

в трудное послереволюционное время. В семье все прекрасно пели, играли на многих музыкальных инструментах. Ноты начинали учить в самом раннем возрасте, вместе с азбукой, слова молитв были одними из первых, которые запоминали. У младшего, Николая, был абсолютный слух, он хорошо пел, умел регентовать, играл на скрипке.

Большой любитель и знаток церковной музыки, протоирей Василий обучал пению и крестьянских детей, готовил их к участию в церковных службах. Организованный им дорковский детский хор считался лучшим в уезде. Батюшка хоть и утомлялся от нелегкого труда, но, не признавая резкости по отношению к детям, все покрывал любовью.

Из-за недостатка нотных пособий отец Василий разработал двухлинейную нотную систему, на которую переложил весь годичный круг церковных богослужений. Введенное им обучение по большим настенным таблицам позднее было перенесено на изучение других предметов школьной программы и получило широкое распространение в Бронницком уезде. От учителей постоянно поступали просьбы прислать таблицы, и отец Василий с радостью безвозмездно отсылал собственноручно сделанные пособия. Подросшие сыновья помогали ему.

Как благочинный и уездный наблюдатель церковно-приходских школ Бронницкого уезда, отец Василий всей душой отдавался делу народного образования в духе Православия. Его просветительская деятельность не осталась незамеченной митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским),

и в вознаграждение за ревностные труды в 1900 году ему предложили занять освободившееся место штатного протоиерея и настоятеля Бронницкого Архангельского собора.

Здесь отец Василий продолжил свою неутомимую деятельность. Испытывая благоговение перед чудотворной Иерусалимской иконой Божией Матери, он составил ей службу и акафист, устраивал крестные ходы — не только в своем уезде, но и в соседних.

Семья Толгских была очень дружной и гостеприимной. В их доме царил атмосфера доброжелательности и крайне бережного отношения друг к другу, без слащавости и красивых слов. И родители, и дети были удивительно искренними, открытыми, щедрыми на добро и внимание ко всем и ко всему. На святках в дом отца Василия съезжалось много гостей: двоюродные братья, сестры, друзья семьи. Молодые Толгские были творческими личностями: собираясь вместе, пели церковные песнопения, играли на музыкальных инструментах — фисгармонии, скрипке, гитаре, виолончели, контрабасе, — читали стихи и прозу, иногда собственного сочинения. Младшие, Николай и Ольга, любили петь о дальней дороге, грусти, одиночестве, тоске и разлуке. Обоим пришлось испытать это через много лет, во время пребывания в ссылке.

Вслед за старшими братьями Николай в 1897 году был определен в Донское духовное училище в Москве. В августе 1901 года, после успешного окончания училища, он выдержал экзамен в Московскую духовную семинарию. К тому времени его крестный — старший брат Сергей — уже был священником в одном из

новопостроенных храмов Бронницкого уезда, два других брата служили псаломщиками в Москве, а сестра Варвара была замужем за священником Николаем Степановичем Лебедевым, преемником тестя в Дорках.

Николай Толгский учился очень прилежно, особенные успехи проявлял в церковных истории и пении, гомилетике, логике и греческом языке, выделялся отличным поведением. В 1907 году, сразу после окончания семинарии по первому разряду, он поступил в Московскую духовную академию (вместе с ним в магистратуре учился будущий священномученик Илия Четверухин, а также известный впоследствии искусствовед и реставратор Н. Д. Протасов). Здесь Николай еще усерднее принялся за учебу, смог развить не только свои музыкальные и литературные способности, но и дар оратора, необходимый пастырю. Родные вспоминают его как обаятельного, начитанного и интересного собеседника, автора повестей, которые он охотно читал в узком кругу.

В сентябре 1909 года, шестидесяти семи лет от роду, от тяжелой болезни скоропостижно скончался отец Василий. Он умер на руках у среднего сына Александра, тогда уже диакона церкви святого Иоанна Предтечи на Земляном Валу. Отпевал почившего благочинный Ивановского сорока протоиерей Владимир Семенович Недумов в сослужении многочисленного духовенства.

Отец Василий, которого очень уважали и на приходе, и в семье, казалось, и после кончины продолжал руководить поступками своих детей: они часто вспоминали, что говорил отец, как поступал в различных ситуациях.

Тяжелая утрата сблизила братьев Толгских. Собираясь вместе, они поддерживали друг друга. Если кто-то заболел или попадал в затруднительное положение, остальные, отложив любые дела, мгновенно приходили на помощь.

Николай Васильевич посвятил покойному родителю свое кандидатское сочинение на тему «Надгробные проповеди у важнейших представителей русского проповедничества XVIII–XIX веков». Опираясь на слова из проповеди архиепископа Филарета (Гумилевского), молодой выпускник Академии пишет: «Тяжко душе под тяжестью скорбей неожиданных, но для христианской души скорби — врачевство, страдания — печать любви Господней... Удаленный горем от всего остального людского общества, отчужденный от всех своими интимными душевными переживаниями, человек все же ищет опоры и сочувствия и стремится хоть немного облегчить свою душу. Он ищет опоры и не находит ее среди людей. Они чужды его страданиям. И вот в такие минуты достаточно просто напомнить о Христе, как душа человека, которая по природе христианка, потянется ко Христу и почувствует в Нем свою опору и успокоение. А это одно уже будет большим преобразованием. Это первый шаг человека ко Христу и Церкви».

Блестяще окончив Академию со степенью кандидата богословия, в сентябре 1911 года Николай Васильевич обвенчался с дочерью офицера Александрой Марковной Коньковой. Венчание проходило в церкви святителя Николая Явленного на Арбате, где служил псаломщиком его брат Василий, который после семинарии

по состоянию здоровья сана не принял, а с большим тщанием занимался церковным хором.

Вскоре Николай был определен на священническую вакансию к Воздвиженской церкви в селе Алтуфьеве Московского уезда и 24 ноября 1911 года рукоположен во священника. Здесь у него родился сын Юрий.

Молодой батюшка, как некогда и его отец, законоучительствовал. Священник Николай преподавал в Лупихинском земском народном училище и Подушкинской шестигодичной уездной земской школе.

Неожиданно 16 марта 1913 года указом Государя с резолюцией митрополита Московского Макария (Невского) отец Николай был переведен на священническую вакансию к московской Сергиевской, что в Пушкинских, церкви, на место скончавшегося священника Василия Васильевича Рождественского. Назначение в один из центральных московских приходов молодого священника было неслыханной редкостью. Вполне возможно, что этому событию поспособствовал преподаватель гомилетики Московской духовной семинарии протоиерей Константин Михайлович Марков, настоятель соседней церкви Спаса Преображения в Пушкинских, незадолго до того утвержденный сверхштатным членом Московской духовной консистории.

Каменная церковь преподобного Сергия в Пушкинских была построена в 1864 году между Большим Сергиевским и Колокольниковым переулками вместо ветхой деревянной церкви XVII века, устроенной, как записано в клировых ведомостях, «тщанием частию царским, частию стрелецким», и имела три престола: во имя Живоначальной Троицы, преподобного

Сергия Радонежского и святителя Митрофана Воронежского. Храм относился к 1-му отделению Сретенского сорока, где служило много прославленных пастырей и в их числе праведный Алексей Мечев.

Как и в Алтуфьеве, отец Николай вел уроки Закона Божия в церковно-приходской школе. В 1916 году его, как талантливого педагога, пригласили на штатную должность законоучителя в Московскую частную женскую гимназию Гейне, а затем в частное реальное училище. Помимо пастырской и духовно-просветительской деятельности, молодой иерей по распоряжению епархиального начальства исполнял и общественное послушание: приводил к присяге свидетелей в камере мирового судьи Сретенского участка. Позднее на него были возложены обязанности благочинного 1-го отделения Сретенского сорока. Ирина Сергеевна Мечева (внучка праведного Алексея Мечева) рассказывала, что отец Николай, как благочинный, пользовался большим авторитетом и отец Алексей Мечев обычно отсылал к нему духовных чад для разрешения практических церковных вопросов.

После назначения отца Николая в Сергиевский храм брат Василий перешел к нему с частью своего хора. Таким образом, горячо любящие братья соединились

Священник Николай Толгский.
1915 г.

и имели возможность тесно общаться. Дочь Василия Надежда, в замужестве Долбилкина, вспоминает, как ее дядя и отец готовились к праздничным богослужениям: «Обсуждалось, какая “Херувимская” больше подходит к смыслу предстоящего праздника. Тут же пелось то, о чем говорили, и музыкой подтверждалось или отклонялось то или иное мнение. После серьезных обсуждений репертуара начиналась работа регента с хором».

Пастырский труд был для отца Николая служением, в котором нет мелочей. Он обладал удивительным даром слова, за что был прозван златоустом. Слушать его проповеди приезжали и приходили с разных концов Москвы.

Двадцатые годы стали началом гонений на Церковь. С 1922 года повсеместно работали комиссии по изъятию церковных ценностей, проводились обыски, аресты и расстрелы духовенства. Отца Николая также арестовали за преподавание Закона Божия, но через несколько недель отпустили.

От того времени уцелела удивительная реликвия. Однажды отца Николая вели на допрос на Лубянку. На Сретенке его прихожанка протянула из окна комнатный цветок, и батюшка коснулся его, преподавая свое благословение. Цветок был передан в семью Толгских и растет до сих пор, хранимый как святыня.

За пастырские заслуги перед Церковью Патриарх Тихон возвел отца Николая в сан протоиерея и наградил митрой. По воспоминаниям сына Юрия, батюшка был лично знаком с Патриархом и другими иерархами Русской Православной Церкви: архиепископами

Иларионом (Троицким) и Питиримом (Крыловым), митрополитом Тихоном (Оболенским).

В 20-х годах прошлого века в Москве стали вводиться удостоверения личности, усугубились трудности с пропиской, требовалось все больше и больше справок, подтверждающих право проживания в столице. Все труднее становилось купить самое необходимое из еды и одежды. Были введены продовольственные карточки, которых лишали по самым невероятным поводам. Священников регулярно вызывали в органы безопасности, чаще всего это означало арест. Отца Николая тогда не посадили, хотя и вызывали не однажды в 1930 и 1931 годах.

В 1932 году Союз воинствующих безбожников объявил «безбожную пятилетку» — программу мероприятий по искоренению религии в стране. В первый год планировалось закрыть все духовные школы и лишить священнослужителей продовольственных карточек; во второй — провести массовое закрытие храмов и запретить изготовление церковной утвари; в третий — выслать служителей культа за границу; в четвертый — закрыть оставшиеся храмы всех религий и, наконец, в пятый — закрепить достигнутые успехи. Попавшее в разряд «лишенцев» духовенство подвергалось конфискации имущества и арестам.

Протоиерей Николай Толгский

Напуганная супруга уговаривала отца Николая снять сан и перейти на преподавательскую работу, но он оставался непреклонным и продолжал служить и проповедовать. В конце концов матушка не выдержала испытаний, получила развод и ушла из дома, порвав всякие отношения с семьей Толгских. Юрий, из соображений безопасности, переехал жить к родственникам, с отцом виделся редко.

В просторной квартире на первом этаже церковного дома произвели уплотнение. Отец Николай был вынужден переселиться в шестиметровую комнатку без удобств на втором этаже. Готовить там было невозможно, и он ходил обедать к старшей сестре Марии Васильевне, бывшей замужем за вторым священником Сергиевской церкви отцом Сергием Лебедевым².

Семейная трагедия и бытовые невзгоды подорвали здоровье отца Николая, у него открылась язва, необходима была госпитализация, однако как «лишенцу» ему не полагалось медицинской помощи, и он лечился амбулаторно, прибегая к услугам верующих врачей. Всегда жизнерадостный, батюшка погрузился, но ни прихожане, ни родственники, ни друзья никогда не слышали от него жалобы или досадливого слова, не было в нем и следа раздражения или угрюмости. Видя его истово молящимся, устремленным к Богу всем сердцем, нельзя

² После закрытия церкви преподобного Сергия в Пушкинских горах отец Сергий Лебедев некоторое время служил в одном из уцелевших храмов Коломны. Во время войны вернулся в Москву к жене, был за штатом. Позднее отец Александр Толгский помог ему устроиться в храм пророка Божия Илии Обыденного, где отец Сергий прослужил несколько лет вплоть до своей кончины в 1956 году. Похоронен на Калитниковском кладбище.

было заподозрить, что он болен и переживает большое горе. Всегда спокойный и доброжелательный, он мужественно переносил обрушившиеся на него скорби и продолжал свое подвижничество.

Из соседних закрытых приходов в Сергиевский храм начал стекаться народ. Как утешение прихожанам из закрытой церкви святителя Николая в Звонарях была принесена икона с мощами святой Анастасии Узорешительницы и чудотворная икона «Взыскание погибших»³, перед которой отец Николай с отцом Сергием Лебедевым стали регулярно служить акафисты.

Верующие жили в постоянном страхе: кругом арестовывали, высылали, все больше становилось осиротевших семей. Повсюду закрывали и разрушали церкви.

Храмы, в которых служили братья-священники Сергей⁴ и Александр⁵ Толгские, тоже закрыли. Отец Сергей поселился в подклети храма святых апостолов Петра и Павла у Яузских ворот; скрываясь от преследований, спал между надгробий. Отец Александр жил на колокольне своего храма святого Иоанна Предтечи на Земляном Валу. Братья виделись редко, тайком, чаще всего ночью, в доме отца Николая. Расходились рано утром, так как об остающихся ночевать родственниках

³ Позже эта икона попала в Пюхтицкий монастырь, а с открытием Никольской церкви в Звонарях, ставшей подворьем Пюхтицкого монастыря, снова вернулась в свой храм.

⁴ В 1913 году отец Сергий Толгский был переведен в Москву настоятелем церкви Рождества Богородицы на Кулишках, где прослужил до ее закрытия в 1935 году.

⁵ 30 марта 1936 года отец Александр Толгский был назначен настоятелем храма пророка Божия Илии в Обыденском переулке, где прослужил двадцать шесть лет вплоть до своей кончины в 1962 году.

или знакомых необходимо было сообщать в домоуправление. Позже отец Сергей, тяжело простудившись, уехал из Москвы к семье, в поселок Красково⁶.

Как вспоминает Н. В. Долбилкина, в эти годы регулярно бывавшая на службах, отец Николай не просто прочитывал вслух молитвы, а молился вместе со своими прихожанами единым духом. Его отличало «умение помочь человеку оторваться от повседневных забот, горя, умение сосредоточить прихожан на словах молитв, объединить их в общем устремлении сердец, — это была та великая сила, которая приводила людей в храм, укрепляла их веру, помогала преодолеть жизненные трудности. В его служении была жертвенность, батюшку невозможно было воспринимать просто как человека, надевшего облачение. В алтаре и на амвоне это был светильник».

Безбожные власти искали предлог для ареста отца Николая: изучалось его личное дело в Московской духовной академии, осведомители записывали слова из проповедей, которые могли бы послужить доказательством его вины.

Наконец повод нашелся: в НКВД поступили сведения, что батюшка вел антисоветские беседы с прихожанами на частной квартире.

10 апреля 1935 года Секретно-политический отдел Управления Госбезопасности НКВД выдал справку на

⁶ Младшая дочь отца Сергея Толгского, врач по профессии, обратилась в Патриархию с просьбой вывести его за штат по состоянию здоровья. В 1937 году вместе с сосланной старшей дочерью и внучкой он уехал в Коканд (Узбекистан), но вскоре вернулся в Москву, где в 1940 году скончался от рака легких. Похоронен на Калитниковском кладбище.

арест, в которой указывалось, что священник Николай Толгский «проводит активную работу по объединению вокруг Церкви наибольшего количества верующих, особенно молодежи, которых призывает к защите Церкви и духовенства от насилий советской власти». Вместе с прихожанами князем Н. Н. Мосальским, дворянками сестрами В. С. и О. С. Просторовыми, бывшим офицером В. И. Милеевым, А. С. Егоровым и А. П. Лебедевой он был заключен в Бутырский изолятор НКВД, где содержался до конца мая.

29 мая 1935 года оперуполномоченный 3-го отделения СПО УГБ Управления НКВД по Московской области в обвинительном заключении писал (текст приводится в сокращении):

«Произведенным по делу следствием установлено:

Поп Толгский Николай Васильевич, как имеющий высшее духовное образование, среди верующих пользовался большим авторитетом истинного защитника православной веры и благовестника.

Допрошенные по настоящему делу в качестве свидетелей показали:

“Толгский высказывал крайне враждебное отношение к советской власти, он говорил, что советская власть открыто борется с религией и верующими и многие верующие по малодушию своему, страшась преследований, даже боятся ходить в храм. Верующие должны открыто исповедовать религию, должны открыто выступить в защиту Церкви, не боясь преследования, и, если придется, уметь пострадать за свои убеждения. Близится конец царству бесовскому — советская власть скоро падет”.

Толгский также рассказывал о том, что он проводит большую работу по вовлечению в Церковь молодежи... он однажды исповедовал и причастил умирающего комсомольца. “Я обратил его на путь веры православной, и он спокойно умер в сознании великой Божественной благодати. Много молодых людей я наставлял на путь истины. Молодежь горит желанием выступить в защиту веры православной. У меня есть одна девушка, которая готова идти на смерть за религию”.

Толгский также выражал негодование на то, что якобы советская власть проводит насилие над верующими, он верующим говорил: “Безбожники продолжают нападать на христиан, насильно закрывают церкви, невинно арестовывают верующих”, при этом он приводил выдержку из Писания: “И будете гонимы за имя Мое, претерпевший до конца спасен будет...”⁷

Священник Толгский, постоянно выступая в церквях с проповедями, подчеркивал верующим, что “в данное время мы, верующие, переживаем годы испытаний, когда расстроены все жизненные устои, когда люди выбиты революцией из нормальной колеи, когда людям необходимо переламывать себя и приспособляться к новой, чужой нам, христианам, жизни. Но это явление временное...”

После перевода в церковь “Сергия” монашек быв. Страстного монастыря Толгский объединил их в одну монашескую группу, распределил строго обязанности, причем при содействии их он прославлял [икону] с мощами Анастасии Узорешительницы, в результате

⁷ Ср.: и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется (Мф. 10, 22).

чего к этой иконе наблюдается массовое паломничество верующих, на которых монашки возлагают специально устроенный венец, знак страдания и дальнейшего торжества.

Допрошенный в качестве обвиняемого Толгский Н. В. виновным в предъявленном ему обвинении себя не признал, но полностью обличен в антисоветской и контрреволюционной деятельности свидетельскими показаниями.

Обвиняется в том, что он, будучи враждебно настроен к советской власти, проводил систематическую антисоветскую и контрреволюционную агитацию, группировал вокруг себя верующих, обрабатывая их в антисоветском духе, и склонял к тайному монашеству. Распускал провокационные слухи о неизбежности гибели соввласти и доказывал, что положение рабочих советской власти ухудшилось, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58, п. 10, УК РСФСР».

Материал на отца Николая был выделен в особое производство и направлен для внесудебного разбирательства. Особое совещание при НКВД СССР постановило сослать его в Казахстан сроком на три года за контрреволюционную деятельность по ст. 58, п. 10, УК РСФСР.

31 мая 1935 года комендант Бутырского изолятора получил предписание отправить осужденного с первым отходящим этапом в Алма-Ату в распоряжение УНКВД КАССР. Из Алма-Аты его переслали в село Ленинское Чимкентского района.

Переписываться с близкими отцу Николаю было крайне сложно: ему разрешили писать по одной

открытке в год, да и те просматривались и не всегда доходили до адресатов. Писал он в основном брату, протоиерею Александру. Чудом дошло последнее письмо сыну и снохе: батюшка оставил его на чимкентском вокзале в надежде, что кто-нибудь найдет и отправит по адресу.

Отец Николай писал:

«Ну здравствуйте, мои любимые Юра, Мифа и ты, мой славный внучонок Ромашка! Эк ведь тебя угораздило самым поэтическим именем назваться. Так и вспоминается жаркое лето, кругом трава шелковая, цветы душистые и ромашка... А вот заговорил про ромашку, вспомнил три карточки и уж пред глазами глазенки и смеющийся ротик открыт. Милый-милый! Берегите его! Слышите, вы, старшие?! Берегите его!

Впрочем, с Новым годом вас и с наступающим праздником! Юра, а ты познакомил с тем, что наступает? Как хотелось мне вместе с вами встретить эти дни, да “горючь камень ко дну тянет”, как говорится в сказке об Аленушке. Ждал-ждал я обещанного письма, говорилось, что еще на октябрьские торжества это загадывалось (т. е. написание), да вспомнил наконец: ведь обещанного три года ждут. Тут я и успокоился. До трех лет, вестимо, еще хватит времени. (Это от Мифы.) Ну, как вы живете? Докладывайте мне, а то Ромашку спрошу. Он мне все доложит. Вам же хуже будет. Что, он, чай, говорун стал? А дедушку не назовет, наверно? Эх вы, позабыли его выучить! Вот я вас, погодите! Все пятницы в одну соберу! Ну-ну, рассказывайте! Юр, удалось тебе наладить с экстернатством? Мифа, а ты служишь? А Ромашка куда поступает? Ах да, знаю!

Он прямо в Академию наук, там будет учиться. Перешибет своего отца⁸.

Однако шутки в сторону. Пошутили, и будет. Если отпустят меня, приеду тихо, незаметно. Никого извещать заранее не стану. К чему?! Вы все народ занятой. Вот только куда с вокзала направиться? Зовет меня к себе один товарищ, с которым мы вместе выехали. Не знаю, там ближе к делу решу.

У нас наступила зима. Снег выпал в горах. Снегом покрыты и холмы на севере. Вся местность сплошь холмистая. Очень интересны горы при закате и восходе солнышка, особенно теперь, в облачность. Солнце пробьется где-нибудь между туч, выхватит какую-нибудь вершину отдаленной горы, а то и нескольких гор, и оденет их в розоватый вначале, а потом в багряный цвет. Или выделит их из окружающего, довольно мрачного фона так, что они заблестят своими белоснежными шапками. Глядишь и не налюбишься этой дивной панорамой природы, особенно много красоты по вечерам. Игра света просто изумительна. Ее не передашь ни языком, ни красками. А все же хоть и не умею рисовать и никогда сроду не рисовал, а заполнил целый альбом рисунками. Да что ужаснее всего — ведь акварелью! Здесь воздух весьма-весьма гигроскопичен. Только что разведешь краску, наводишь известный тон, а она уже высохла, загустела. Потом ведь я ни разу не занимался и не интересовался составлением красок. Вот с этим было хуже. Мазнуть кистью боюсь, потому что сильно дашь — не смоешь, бумага — дрянь: школьный

⁸ Внук отца Николая Толгского действительно стал профессором одного из московских вузов.

лохматый, плохенький альбом. Долго я боялся красок, потом все же стал одолевать. И что помогло? Я стал разрисовывать стены своей хаты. Она белена известью. Вот я и давай их портить. Три картины намалевал, то бишь написал, одну с железной дорогой и поездом (домой захотел); другую: гора, на ней замок, а из-за горы видно море и пароход (опять через Каспий направляется к дому). Третья картина: кирпичный завод № 1 под Москвой, шоссе и на нем застрял автомобиль. Одним словом, вблизи-близь, вдали-даль, а ежели подале отойдешь да отвернешься, то совсем хорошо.

Однако это скоро надоело. Потянуло к привычному труду — писательству, и вот начал новую, вполне современную вещь — роман “Поздно прозревшая”. Темой послужили законы последнего времени, изданные нашим правительством. Эту вещь, если осилю, попытаюсь издать от своего имени или через тебя... А как твои, Юра, дела с писательством? Некогда или охота отпала? Вот приеду, мы с тобой поговорим на эту тему. Вещь, задуманная мною, пока выходит с большим и напряженным интересом. Я уже осилил семь глав. Страниц печатных на семьдесят. Во всей вещи, предполагаю, будет глав двадцать, а то и побольше. План весьма ясен. Родовые муки творчества пока шли нормально, но что-то в последнее время ослабли. Очевидно, отдых требуется. В этой вещи потребуется основательная ваша (обоих) консультация, так как многое из того, о чем я пишу, стоит вне сфер, знакомых мне, и я боюсь или переборщить, или недоборщить. И то и другое одинаково скверно. Я боялся натянутости и искусственности, но этого пока не заметно. За этой

работой я отдыхаю. Значит, на все руки, а не то что что! Еще есть порох в пороховнице, как, бывало, скажет покойный дядя Коля. Да, все только и приходится добавлять покойный да покойный. Скоро, пожалуй, и за мной черед! И то недавно едва не окоchureлся, так заболел, что испугался: температура была 40 °С. Началось с кровавого поноса, а оказался грипп. Вспомнил я и Ромашку: неужели, думаю, не увижу его?! И взмолился... А вы-то обо мне молитесь? Ну то-то! А наверно, соврали. Позабываете ведь про меня? Не до меня вам? А все-таки, как время-то проводите? Что почитываете? Юра, а ты взял или нет из моей комнаты “Сказание о граде Новокитиже”? Помнишь, эта книжонка тебе очень понравилась. Сохрани ее. Интересная книга. А в кино и театрах бываете? “Богатыри” Демьяна Несчастливого видели? Здорово, и за дело влетело. Все же нельзя вконец издеваться над историей. Мы здесь наладились и с газетами, и с журналами. Один выписал “Роман-газету”, “30 дней”, “Огонек”, “Мысль”, “Красная нива”, “Безбожник”, “Вестник знания” и др. Так что почитываем. Только с работой плохо — негде служить, а к физическому труду я не гожусь. Проживаю пока свои прежние запасы. Это путешествие дало мне массу материала — пиши не хочу. Только одно плохо, жизнь уходит. Впрочем, так и надо. Слава Богу за все, что я получил от Него, и за все настоящее и будущее. И за внучонка, и за вас благодарю Его. Живите дружнее и больше снисходите и прощайте друг другу. Не допускайте зла. Гоните его от себя. Ну, храни вас Господь! Крепко целую!

Любящий отец и de-душка».

Священномученик
Николай Толгский, пресвитер

Эти строки стали для родных духовным завещанием. Больше писем из Казахстана не было. В 1937 году семье сообщили, что срок отцу Николаю увеличен на десять лет. В неведении о судьбе брата сестра Мария с мужем, отцом Сергием, спросили старца Исаию (Ставрова), как о нем молиться, и получили ответ, что отец Николай просияет, когда вся площадь в неурочное время запоет «Христос воскрес...». И действительно, в 2000 году на канонизации новомучеников и исповедников Российских, среди которых был и священномученик Николай Толгский, молящиеся торжественно запели «Христос воскрес...».

В 1946 году Ю. Н. Толгскому официально сообщили, что его отец скончался в ноябре 1943 года от голода. В 1988 году Юрий Николаевич сделал письменный запрос в КГБ. Следователь Следственного отдела Управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области произвел осмотр архивного уголовного дела № 9776, по которому среди других лиц проходил и отец Николай. Было установлено, что обвиняемые и свидетели никаких показаний, подтверждающих противоправную деятельность Н. В. Толгского, не дали, арест был

произведен с нарушениями и предварительное следствие так же велось с нарушениями Уголовно-процессуального кодекса: ордер на арест и обыск не санкционированы прокурором, обвинительное заключение не утверждено, и по окончании следствия осужденный с материалами дела не ознакомлен. 16 июня 1988 года Президиум Московского городского суда вынес решение: «Отменить постановление Особого совещания при НКВД СССР от 31 мая 1935 года в отношении Толгского Николая Васильевича и делопроизводство прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления».

Позже выяснилось, что отец Николай Толгский в числе других ссыльных 23 июня 1937 года был вновь арестован и помещен в Чимкентскую тюрьму НКВД. Все арестованные проходили по делу митрополитов Кирилла (Смирнова) и Иосифа (Петровых), также отбывавших ссылку в Казахстане. Духовная дочь владыки Кирилла монахиня Евдокия (Перевезникова) показала, что отец Николай трижды приезжал к владыке Кириллу в Яны-Курган.

Условия содержания в Чимкентской тюрьме были невыносимыми. Следователи с помощью истязаний и ночных допросов старались добиться признательных

Памятная доска на стене храма
Воздвижения Креста Господня
в Алтуфьеве

Освящение памятной доски иеромонахом Тихоном (Батуриным) в праздник Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. 8 февраля 2015 г.

показаний. Отцу Николаю вменялось в вину, что он являлся «руководителем ссыльного духовенства в Каратасском районе, по поручению [епископа Евгения] Кобранова группировал вокруг себя и осуществлял контрреволюционное руководство контрреволюционным элементом в селе Ленинском. Вел контрреволюционную агитацию пораженческого характера, писал контрреволюционный роман, изъятый при обыске». На вопросы следователя батюшка отвечать отказался и своей вины не признал.

26 августа 1937 года тройка УНКВД по Южно-Казахстанской области приговорила отца Николая Толгского к расстрелу. 27 августа приговор был приведен в исполнение неподалеку от Чимкента, в Лисьей балке. В тот же день были расстреляны схиархимандрит Елевферий

Храм Воздвижения Креста Господня в Алтуфьево

(Печенников), протоиерей Владимир Смирнов, игуменья Ева (Павлова), монахиня Евдокия (Перевозникова) и Феодор Захаров.

Сергиевскую церковь летом 1935 года закрыли и вскоре разрушили, певчие и прихожане разошлись по разным приходам, но и через много лет, случайно встретившись в храмах, узнавали друг друга, со слезами вспоминая прошлое. Так прекрасна была причастность к возвышенному, покаянному, жертвенному служению священномученика Николая.

Протоиерей Николай Толгский прославлен на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 года. Память священномученика Николая совершается 14/27 августа, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

М. Д. Смирнова

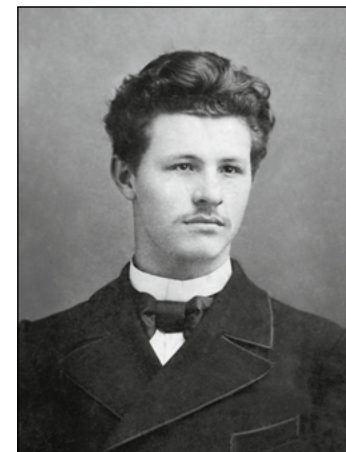
Храм Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине

Священномученик Иоанн Хрусталеv, пресвитер

В Серпуховском уезде Московской губернии (ныне Ступинский район Московской области) на реке Лопасне стоит село Починки, известное с середины XVII века.

Украшением села является храм Архангела Михаила. В 1878 году, 20 января / 2 февраля, в семье псаломщика храма Василия Семеновича Хрусталева родился третий ребенок, мальчик, при крещении получивший имя Иоанн. Всего же в семье было двенадцать детей. Василий Семенович, сын дьячка, в свое время окончил три класса духовного училища и считал своим долгом

дать образование всем своим детям, как бы это ни было сложно материально. Когда Иоанну исполнилось девять лет, его отдали в подготовительный класс Перервинского духовного училища, которое он успешно окончил в 1892 году. Его признали достойным к переводу в 1-й класс семинарии без сдачи приемного испытания. Дальнейшее обучение Иоанн Хрусталеv проходил в Московской духовной семинарии. По окончании МДС в 1898 году он был назначен на должность учителя одноклассной церковно-приходской школы при селе Дорки Бронницкого уезда. Но уже в январе 1899 года митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) определил Хрусталева на псаломническую вакансию при Казанско-Головинском женском монастыре. В это время он женился на Юлии Андреевне Румянцевой, дочери священника. 12/25 февраля 1899 года Иоанн Хрусталеv был рукоположен в сан диакона. В декабре 1900 года митрополитом Московским и Коломенским Владимиром диакон Иоанн, согласно его прошению, был перемещен на диаконскую вакансию к церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Владыкине, в которой служил до конца своей жизни.

Семинарист Иоанн Хрусталеv

Сохранилось описание внешности Иоанна Хрусталева того времени: «Молодой человек высокого роста, стройной фигуры, с хорошим голосом». Последнему

Иоанн Хрусталеv с супругой Юлией

качеству молодой диакон придавал большое значение и даже брал уроки вокала, понимая, как важен для восприятия службы прихожанами хорошо поставленный голос диакона.

Настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы в то время был протоиерей

Иоанн Протопопов, известный своей просветительской деятельностью. В селе Владыкине он организовал церковно-приходскую школу, в которой сам же был учителем Закона Божия и других предметов. Диакон Иоанн почти сразу включился в работу школы, став ее вторым законоучителем. О том, насколько усердным проповедником и неутомимым просветителем был отец диакон, свидетельствуют его награды и поощрения. Он дважды был признан одним из лучших преподавателей Московской епархии, как наиболее ревностно относящийся к школьному делу. Диакон Иоанн имел также письменную благодарность от епархиального училищного совета за проявленную активность в деле религиозно-нравственного просвещения народа, серебряную медаль на Александровской ленте за усердную службу по званию законоучителя, серебряную медаль «В память 25-летия церковно-приходских школ». Отец Иоанн Хрусталеv стал хорошим учеником и последователем протоиерея Иоанна Протопопова, который был

строг в совершении церковных служб, тверд в Православии, красноречив в проповеди, призывая прихожан неотступно хранить православную веру.

В 1915 году семью Хрусталеvых постигла беда. От скоротечной чахотки 24 января / 6 февраля умерла матушка Юлия Андреевна. На руках диакона осталось восемь несовершеннолетних детей. Отец Иоанн тяжело перенес поте-

Диакон Иоанн Хрусталеv

рю, у него отнялись ноги, и для восстановления здоровья его отправили на лечение в Крым. К счастью, здоровье его поправилось. Помогать отцу Иоанну в заботе о детях взялась его родная сестра Клавдия, приехавшая специально для этого в Москву. А через два года произошло новое скорбное событие: 15/28 февраля 1917 года от отека легких в возрасте шестидесяти пяти лет скончался священник храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине и благочинный 4-го округа Московского уезда протоиерей Иоанн Протопопов. Прихожане, полюбившие своего диакона, составили прошение в Святейший Синод с просьбой определить в их церковь на вакансию священника штатного диакона Иоанна Хрусталева.

Время было беспокойное, в стране проходили стачки и демонстрации. 14/27 февраля петроградские рабочие провели массовую стачку под лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует республика!».

Дом Хрустальных во Владыкине

Повсюду вспыхивали народные протесты против войны, нехватки хлеба и дороговизны. Среди всей этой смуты 22 февраля / 7 марта диакон Иоанн отправился из Москвы в Петроград для личного ходатайства о своем назначении священником в храм Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине, и в ожидании поезда он писал старосте Виктору Ильичу Чернопятову письмо с просьбой поторопиться с отправкой ходатайства приходского совета митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию (Невскому), находившемуся в Петрограде.

Прошение диакона и приходского совета было удовлетворено. Высокопреосвященнейшим Иоасафом, епископом Дмитровским, отец Иоанн был определен на место священника при церкви села Владыкина 15/28 апреля 1917 года и рукоположен в сан 23 апре-

ля / 6 мая 1917 года. Началось 20-летнее служение отца Иоанна Хрусталева в качестве настоятеля храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине, совпавшее с периодом самых страшных гонений на Русскую Церковь. Начался и мученический путь отца Иоанна.

Богослужebная жизнь в селе в течение всех этих лет шла своим чередом. По-прежнему по воскресным и праздничным дням храм был заполнен прихожанами. Несмотря на запрет властей священникам вести религиозную деятельность вне церковного здания, отец Иоанн продолжал выполнять все требы, с которыми к нему обращались селяне: освящал дома и квартиры, соборовал и причащал на дому больных, крестил детей, венчал, отпевал. Особенно ревностно батюшка относился к Крещению. Нередко в село приходили многочисленные группы цыган и просили окрестить их детей. Отец Иоанн приходил к ним в табор и крестил детей, причем из дома приносил свои простыни, нарезал из них полотенца, чтобы восприемники заворачивали в них крещеных младенцев. Спустя четыре десятилетия, в 1970-х годах, старожилы села вспоминали: «Какой был батюшка! Крестил всех, не беря за это платы». Казалось, он стремился Святым Крещением уберечь как можно больше детей от разрушительного влияния нового времени. Батюшка также призывал молодежь освящать свой брак в таинстве Венчания. Все силы отца Иоанна были направлены на то, чтобы жители села не отходили от христианской церковной традиции и сохраняли православную веру.

Священник Иоанн не забывал заботиться и о благолепии вверенного ему храма. В 1921 году вместе со

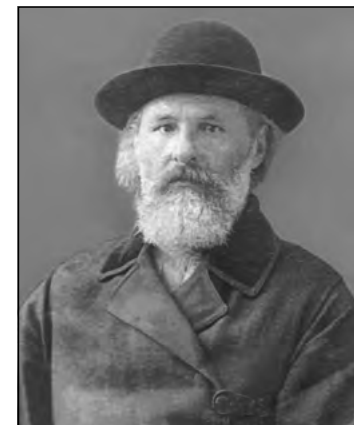

Протоиерей Иоанн Хрусталеv с детьми и внуком. 1920-е гг.

старостой Александром Андреевичем Шишкиным он активно занимался промывкой и реставрацией всего храма, вокруг церкви построил новую ограду. Проходившая в 1922 году кампания по изъятию церковных ценностей не миновала и храм в селе Владыкине, изъяли 5 фунтов ценностей (около 2,5 кг).

В ноябре 1923 года приходской совет храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине написал прошение Высокопреосвященнейшему владыке Илариону, Управляющему Московской епархией, в котором ходатайствовал о награждении настоятеля храма протоиерея Иоанна Хрусталева в праздник Рождества Христова наперсным крестом в связи с 25-летием его служения в священном сане. В прошении отмечалось, что протоиерей Иоанн «показал себя деятельным

работником в деле религиозно-нравственного просвещения народа. Вначале, когда был в сане диакона, в качестве законоучителя Владыкинской церковно-приходской и Лихоборской железнодорожной школ, а затем, в сане священника, как руководитель религиозно-нравственной жизни своего прихода. Много трудов и забот положено им относительно благоустройства нашего храма.

Протоиерей Иоанн Хрусталеv.
1930-е гг.

Несмотря на очень тяжелое для всех время, в 1921 и 1922 годах по его инициативе был произведен внутренний ремонт всего храма, очень ценный... Немало забот положено им по благоустройству церковного хора, при наличии которого служба в нашем храме всегда бывает благолепна. Наконец, благоустроенность нашей церковной общины свидетельствует о том, что им немало положено трудов и времени на распорядок церковно-приходской жизни вообще». Благочинный 4-го округа Московского уезда протоиерей Александр Терновский подтвердил все описанное в прошении прихожан и присоединил свой голос к ходатайству приходского совета о награждении священника Иоанна Хрусталева.

Усилия отца Иоанна не ослабевали и в течение всех последующих лет. По воспоминаниям прихожан, в 1930-х годах в храме на воскресных и праздничных службах всегда собиралось много народа.

Фотография из следственного дела протоиерея Иоанна Хрусталева. 1937 г.

А по свидетельству старосты Василия Флянова, «несмотря на тяжелое переживаемое время, храм содержался в порядке как снаружи, так и изнутри. В 1932 году производили промывку всего храма, через каждые два года красили крышу». В 1933 году реставрировали алтарь, вновь была написана икона святителя Василия Великого и восстановлена икона великомученика и целителя Пантелеимона. Для этих работ был приглашен известный художник Кленов.

Отец Иоанн пользовался большой любовью и уважением у прихожан, жителей села и дачников, приезжавших во Владыкино летом. К нему обращались со своими житейскими проблемами за наставлением и поучением. Известная актриса Мария Ермолова, проводившая лето во Владыкине на даче своих родителей, также приходила к батюшке, и они подолгу беседовали.

58 Ф. 896

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „ 5 “ XII 1937 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
<p>Дело № 6042 по обвин.</p> <p>И. ХРУСТАЛЕВА Ивана Васильевича, 1875г.р.ур. с. Починки, Серпуховск. р. МО, служил попом. Обвиняется в к. р. агитации.</p>	<p>ХРУСТАЛЕВА Ивана Васильевича - РАССТРЕЛЯТЬ</p>
<p>Секретарь тройки</p>	

Выписка из протокола с приговором протоиерею Иоанну Хрусталеву. 1937 г.

Такое положение дел в селе не устраивало местные власти. Они призывали отца Иоанна отказаться от служения и закрыть храм, но это не возымело никакого действия. Тогда давление на батюшку было усилено. Ему стали угрожать преследованием семьи, если он не закроет храм. И отец Иоанн принял решение. Он обратился к детям: «Дети, отрекитесь от меня. Отрекитесь для людей. Я буду знать, что вы любите меня, никогда в этом не усомнюсь. У меня свой путь, с которого я не сойду. А вы должны жить своей жизнью». После этого он оставил своих детей и поселился в церковном доме при храме. Но дети продолжали заботиться о нем. Дочери стирали его одежду и через малолетнюю

Священномученик
Иоанн Хрусталеv, пресвитер

внучку передавали ему тайком еду. Иногда отец Иоанн тайно навещал их ночью.

Власти проводили работу с местным населением, убеждая его, что Церковь наносит вред молодому советскому государству, держит народ во тьме и рабстве. Они ожидали, что кто-нибудь напишет донос на священника, но донос так и не поступил.

Так продолжалось до 1937 года. В ноябре 1937 года был сфабрикован ложный донос о том, что «Хрусталеv систематически проводит контрреволюционную агитацию. Так, в отношении постановления правительства о жилищном хозяйстве Хрусталеv говорил: “Это постановление направлено на ухудшение жилищных условий рабочего класса, на то, чтобы сдирать последнюю шкуру с рабочих” — и призывал не ходить на выборы в Верховный Совет».

19 ноября 1937 года священник Иоанн Хрусталеv был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Следователь предъявил ему обвинение: «Следствию известно, что вы вместе с Румянцевым, Станиславлевым и Некрасовым среди рабочих проводили контрреволюционную агитацию, а также распространяли в среде верующих провокационные контрреволюционные слухи о совет-

ской власти». На что протоиерей Иоанн Хрусталеv ответил: «Нет, я виновным себя не признаю, никаких контрреволюционных разговоров я среди верующих не проводил». Однако следствие обвинило отца Иоанна в проведении «контрреволюционной агитации террористического характера», и 5 декабря его приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. Протоиерей Иоанн Хрусталеv был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Имя протоиерея Иоанна Хрусталева включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определенным Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 марта 2007 года. Память священномученика Иоанна совершается 27 ноября / 10 декабря, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

*Протоиерей Сергей Ткаченко,
Е. Н. Рура*

Священномученик Иоанн
Хрусталеv, пресвитер.
Фреска в притворе храма
Рождества Пресвятой
Богородицы во Владыкине

Священномученик Сергий Станиславлев, диакон

Священномученик Сергий Станиславлев родился 4 сентября 1884 года в селе Вантеевка⁹. Его отец, священник Григорий Степанович Станиславлев, служил в церкви Всемилоственного Спаса села Вантеевка с 1879 года и до своей кончины в 1905 году. Одновременно отец Григорий был законоучителем в местной земской школе. С матушкой Елизаветой они воспитали четверых детей — Николая, Константина, Сергия и Елизавету. Сыновья получили хорошее образование и продолжили просветительскую деятельность отца: старший, Николай, был директором Вантеевской школы № 1; Константин преподавал в городе Пушкине.

Сергий в 1900 году окончил Донское духовное училище, а в 1906-м — Московскую духовную семинарию, после чего четыре года работал учителем. В это время он женился на Александре Николаевне Петропавловской, дочери священника Знаменской церкви в селе Перове. В 1910 году Преосвященным Трифоном (Туркестановым), епископом Дмитровским, Сергей Григорьевич был рукоположен во диакона к церкви святой Марии Магдалины в Сергиевом Посаде, а в 1913 году переведен в Москву, также к церкви святой Марии Магдалины во Вдовьем доме на Кудринской площади.

В октябрьские дни 1917 года Кудринская площадь на Пресне стала эпицентром революционных боев.

⁹ С 1928 года село стало рабочим поселком, а затем и городом Ивантеевкой.

Юнкера подвергли Вдовый дом мощному обстрелу после того, как его заняли большевики. В здании не осталось ни одного целого стекла. Службы в церкви святой Марии Магдалины прекратились. А вскоре была закрыта не только церковь, но и сам Вдовый дом. У диакона Сергия с матушкой Александрой к этому времени уже было двое сыновей: шестилетний Сергий и годовалый Анатолий.

Сергий Станиславлев с супругой Александрой после венчания

В начале 1918 года диакон подал прошение о своем переводе в Вознесенский женский монастырь в Кремле. Прощение было удовлетворено. Но уже в марте в Москву из Петербурга переехало большевистское правительство и разместилось в Кремле. Вскоре монахиням пришлось покинуть обитель. Отец Сергий подал новое прошение о переводе на другое место служения. 1 октября он был переведен в Клинский уезд в церковь Вознесения Николо-Тешиловского погоста — в большой пятикупольный каменный храм. В этом же 1918 году диакона Сергия Станиславлева призвали служить в Красную армию. Как следует из его воинской книжки, он был направлен в тыловое ополчение. Из клировой ведомости церкви Вознесения следует, что службу в тыловом ополчении С. Г. Станиславлев проходил

Диакон Сергей Станиславлев
с супругой Александрой
и сыном Сергием

с 1918 года по 30 ноября 1921 года, после чего вернулся к диаконскому служению. Из той же клировой ведомости известно, что у диакона Сергея и его матери Александры 22 июня / 5 июля 1921 года родилась дочь Вера.

В конце 1924 года отец Сергей был переведен в храм Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине. Семья Станиславлевых с тремя детьми разместились в бывшем церковном доме рядом с домом Хрусталевых. В течение тринадцати лет священник Иоанн

Хрусталев и диакон Сергей Станиславлев совместно исправно служили в храме, исполняя все требы, с которыми к ним обращались жители села. Во время служения во Владыкинском храме диакон Сергей был возведен в сан протодиакона.

В ноябре 1937 года все служители храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине — священник Иоанн Хрусталев, протодиакон Сергей Станиславлев и чтец Николай Некрасов — были арестованы по ложному обвинению. 5 декабря по их делу вынесли обвинительное заключение: «Указанные лица, проживая по Владыкинскому шоссе и служа в местной церкви, поддерживали между собой тесную связь, группируясь между собой, активно проводили контрреволюционную

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА	
дания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „ 5 “ XII 1937 г.	
СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
М. СТАНИСЛАВЛЕВА Сер- Григорьевича, 1884г. м. Ур. д. Сангеевка, Мн- пок. р-на, Ю. обл. слу- еля религ. культ. В аг. арестовывался. До ста без опред. занятий бви н. в к. р. агитации бораст. характера.	СТАНИСЛАВЛЕВА Сергей Григорьевича - заключить в ИТЛ, сроком на ДЕСЯТЬ ЛЕТ, считая срок с 19. XI -37 года.
Секретарь тройки	

Выписка из протокола с приговором диакону Сергию Станиславлеву. 1937 г.

агитацию террористического характера против руководителей партии и советского правительства, распространяли клеветнические слухи о жизни и быте рабочих в СССР и высказывали пораженческие намерения против Советского Союза». И хотя «допрошенные обвиняемые виновными себя не признали», но «в достаточной мере уличаются пятью свидетельскими показаниями» и «подлежат аресту и привлечению к ответственности по ст. 58, п. 10, УК». Отцу Сергию был вынесен приговор: десять лет заключения в исправительно-трудовом лагере, считая срок с 19 ноября 1937 года. Протодиакон Сергей был отправлен с большой группой заключенных на Дальний Восток. По прибытии в Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ)

Справка об отмене постановления тройки при Управлении НКВД от 5 декабря 1937 г. в отношении диакона Сергея Станиславлева. 1957 г.

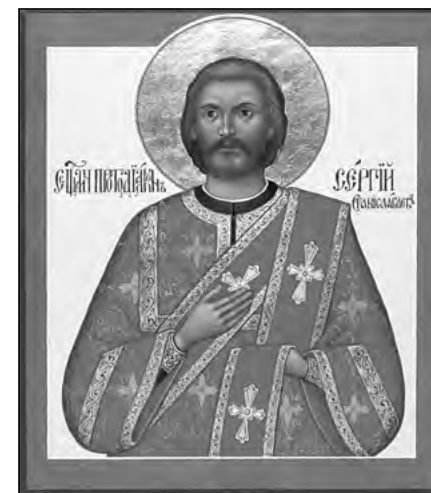
его определили во второе отделение на общие работы. Основной задачей этого ИТЛ было строительство железных дорог в Забайкалье и Уссурийском крае.

Весной 1939 года протоиерей Сергей отправил на имя народного комиссара внутренних дел в комиссию по пересмотру дел письмо с требованием пересмотреть его дело. Из этого письма, сохранившегося в следственном деле, видно, как в действительности шло следствие и что происходило на допросах в ноябре 1937 года. На допросе протоиерей Сергей прямо спросил, какие факты дают основание обвинять его в контрреволюционной деятельности. На что получил ответ: «Факты найдутся». Из этого протоиерей заключил, что факты предъявят ему на следующем допросе, и успокоился в надежде, что все прояснится. Но следующего допроса

не было. Отца Сергея отвезли сначала в Главное управление, потом отправили в Таганскую тюрьму, а из тюрьмы 12 декабря направили по этапу на Дальний Восток. И только по прибытии во второе отделение Бамлага отцу Сергию объявили, что он обвинен в контрреволюционной деятельности и осужден на заключение в ИТЛ сроком на десять лет. Факты же, на которых основывалось обвинение, и здесь не были ему сообщены. Отец Сергей категорически отрицал свое причастие к контрреволюционной деятельности, данные на него показания назвал клеветой и требовал пересмотра дела. По его письму в Москве в 1939 году был вновь допрошен свидетель Жмуров, и, хотя он отказался от своих прошлых показаний, приговор, вынесенный протоиерею Сергию Станиславлеву, был оставлен в силе.

Тяжелые условия труда существенно подорвали здоровье отца Сергея, и его перевели в отделение, где находились инвалиды. 16 ноября 1942 года он скончался от крайнего истощения в Амурском железнодорожном ИТЛ.

Ровно через пятнадцать лет — 16 ноября 1957 года — заместитель генерального прокурора СССР направил

Священномученик Сергей Станиславлев, диакон

Священномученик Сергей
Станиславлев, диакон. Фреска
в притворе храма Рождества
Пресвятой Богородицы
во Владыкине

в Президиум Московского городского суда протест по делу священноцерковнослужителей Владыкинского храма: «Постановление тройки НКВД СССР по Московской области от 5 декабря 1937 года в отношении Хрусталева И. В., Станиславлева С. Г. и Некрасова Н. Н. отменить, дело производством прекратить за недоказанностью предъявленного им обвинения». И ниже справка: «Дело рассматривается по жалобе жены Станиславлева — Станиславлевой А. Н.».

Имя протодиакона Сергея Станиславлева включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 марта 2007 года. Память священномученика Сергея совершается 3/16 ноября, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

*Протоиерей Сергей Ткаченко,
Е. Н. Рура*

Мученик Николай Некрасов

Мученик Николай Некрасов родился 4 декабря 1871 года в погосте Люторицы Серпуховского уезда в семье псаломщика храма Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня.

Отец Николая, Николай Ильич Некрасов, окончил Перервинское духовное училище и около 1870 года был определен на должность псаломщика Воздвиженского храма в Люторицах. Вскоре после этого у Николая Ильича и его жены Дарьи Александровны родился первенец Николай. А всего в семье было пятеро детей: Николай, Евдокия, Александр, Параскева, Сергей. Дети, видимо, были музыкально одаренными: Николай по церковному пению всегда получал высшие отметки, а его брат Александр по окончании Вифанской духовной семинарии преподавал в Гуслицкой второклассной школе Богородского уезда не только Закон Божий, но и церковное пение. Все сыновья получили духовное образование, хотя семья жила очень бедно.

Николай Некрасов поступил в подготовительный класс Перервинского духовного училища в августе 1881 года. Окончил его в июне 1888 года при поведении очень хорошо и хороших оценках по всем предметам. Правление училища признало Николая Некрасова достойным перевода в 1-й класс семинарии без сдачи приемного испытания.

В августе 1888 года Николай был зачислен в 1-й класс Московской духовной семинарии. Московская

Заявление

Я нижеподписавшийся воспитанник Вифанской духовной семинарии заявляю Правлению Вифанской семинарии о своем желании по окончании курса служить по духовному ведомству

По выходе из Семинарии жителю села Буди Шинто в даль отцу своему Ивану Ивановичу Московск. г. Серпух. у., что на почтовой станции. Курский ж. ф. от Могаскв дер. Урюмова Ивану Мил. Молоконякову с передалю полагавшему Николаю Некрасову

Окончивший курс в Вифанской духовной семинарии Николай Некрасов

1897г. 10 мая 14ч дня

Заявление воспитанника Вифанской духовной семинарии
Николая Некрасова. 1897 г.

семинария в тот период была переполнена, и в сентябре 1890 года Николая Некрасова с группой других учеников перевели в Вифанскую духовную семинарию.

В сентябре 1890 года ученик 2-го класса Вифанской духовной семинарии Николай Некрасов обратился к ректору семинарии архимандриту Иакову (Пятницкому) с прошением принять его на епархиальное содержание, так как собственных средств он не имел.

Николай обязался, как требовалось в таком случае, возвратить сумму, употребленную на его содержание, или служить в звании учителя сельских школ не менее трех лет, если по окончании семинарии он не поступит в духовное ведомство. Прошение его было удовлетворено. Вся сумма, потраченная на его содержание за годы обучения в Вифанской семинарии, составила 700 рублей.

В мае 1897 года Николай был посвящен в стихарь, в июне этого же года окончил семинарию по второму разряду при отличном поведении, хороших оценках и отличных оценках по церковному чтению и церковному пению. В архиве Вифанской семинарии сохранилось заявление Николая: «Я, нижеподписавшийся воспитанник Вифанской духовной семинарии, заявляю Правлению Вифанской семинарии о своем желании по окончании курса служить по духовному ведомству».

В сентябре того же 1897 года Николай Николаевич поступил учителем в Соборную церковно-приходскую

На фоне храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине.
Сидят слева направо: протоиерей Иоанн Хрусталеv, Николай Некрасов

Приемная дочь Николая Николаевича Некрасова Нина Логинова (Ремизова)

школу города Волоколамска, где служил более шести лет — до декабря 1903 года. За прохождение учительской должности Святейший Синод наградил его Библией.

В декабре 1903 года Николай Некрасов был определен в Москву на место псаломщика к церкви святителя Алексия, митрополита Московского.

Получив назначение во Владыкинский храм (не позднее 1922 года), Николай Николаевич с женой Екатериной Петровной и племянницей

Ниной Петровной Ремизовой переехал во Владыкино и поселился в одном из домов причта. Нина Ремизова рано осталась сиротой, и Некрасовы взяли ее в свою семью.

Николай Некрасов служил псаломщиком и одновременно был церковным старостой.

В ноябре 1937 года волна массовых арестов докатилась и до Владыкина. Настоятеля храма протоиерея Иоанна Хрусталева, протодиакона Сергия Станиславлева и псаломщика Николая Некрасова арестовали и поместили в Бутырскую тюрьму. С каждым из них было проведено по одному-единственному допросу, на котором им предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности и потребовали признать вину.

Николай Николаевич Некрасов с супругой Екатериной Петровной, приемной дочерью Ниной и ее братом возле дома во Владыкине

На псаломщика Николая доносил свидетель Жмуров: «Некрасов совместно с бывшим офицером Царской армии Румянцевым, попом Хрустальевым и Станиславлевым, проводит контрреволюционную агитацию, говоря: “скорей бы война, я первый пойду против советской власти и буду расправляться с коммунистами. Зажали народ в тиски, и дышать нечем. Но ничего, осталось немного, со временем посчитаемся, придет час расправы над коммунистами, и, чтобы добиться хорошей жизни, нужно побить руководителей партии и советской власти”».

Этот единственный донос и был доказательством вины псаломщика Некрасова. В 1939 году при повторном допросе Жмуров от своих показаний отказался, заявив, что сказанное им в 1937 году не соответствует действительности. Но тогда, в декабре 1937 года,

Памятная доска на стене
храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине

Поклонный крест, установленный на пути
к храму Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине

Ф. 896

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „ 5 “ XII 1937 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
<p>22. НЕКРАСОВА Николай Николаевича, 1872г.р.ур. Сын олужителя редиг. мульты. До ареста поаломник. Лишился и зб. прав. Обвиняется в к.р. агитации террорист. хар.</p>	<p>НЕКРАСОВА Николай Николаевича - заключить в исправтрудлагерь, сроком на ДЕСЯТЬ ЛЕТ, считая срок с 19.XI-37г.</p>
<p>Секретарь тройки</p> 	

Выписка из протокола
с приговором Николаю Некрасову. 1937 г.

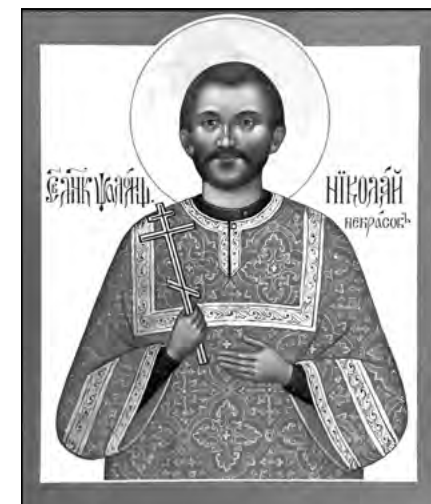
на допросе следователь говорил Некрасову: «Следствие располагает доказательством в том, что вы совместно с Хрусталевым, Станиславлевым и Румянцевым проводили контрреволюционную агитацию против партии и советской власти. Признаете себя в этом виновным?»

Николай Некрасов ответил теми же словами, какими отвечали отцы Иоанн Хрусталеv и Сергей Станиславлев: «Контрреволюционной агитацией я никогда не занимался и виновным себя не признаю».

Всем участникам «контрреволюционной группы» вынесли обвинительное заключение и постановили следственное дело № 6042 направить на рассмотрение

тройки УНКВД МО. Заседание тройки при Управлении НКВД СССР по МО происходило 5 декабря 1937 года. Николаю Некрасову был вынесен приговор: «Заключить в исправтрудлагерь на десять лет, считая срок с 19 ноября 1937 года».

Мученик Николай был этапирован в исправительный лагерь, но умер по дороге 7 марта 1938 года на 67-м году жизни.

Мученик Николай Некрасов

Все арестованные в 1937 году служители храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине были оправданы 2 декабря 1957 года.

Имя псаломщика Николая Некрасова включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 марта 2007 года. Память мученика Николая совершается 22 февраля / 7 марта, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

*Протоиерей Сергей Ткаченко,
Е. Н. Рура*

Блаженная Матрона Анемнясевская, исповедница

Славная исповедница Христова блаженная Матрона Анемнясевская, или, как ее называли современники, Матренушка, Матреша, родилась 6 ноября 1864 года в деревне Анемнясево Касимовского уезда Рязанской губернии, насчитывавшей к началу XX столетия триста дворов; жители деревни занимались хлебопашеством и отхожими промыслами, в основном на лесоразработках и лесопильных заводах. Ближайший к деревне храм великомученицы Параскевы, к которому она была приписана, находился в четырех километрах в селе Шеянки. Родители блаженной, Григорий и Евдокия Беляковы, кое-как сводили концы с концами, чему виной было пристрастие Григория к вину, отчего хозяйство он вел нерадиво. У Григория и Евдокии родилось шесть дочерей и два сына. Три дочери умерли, не достигнув зрелого возраста, Матрона была в семье четвертой.

До шести лет девочка вела обычную жизнь деревенского ребенка. «Любила ловить бабочек, — вспоминала она, — посажу их, бывало, на окошко и не пускаю. Тем только и грешна была», — добавляла она. Нерадостным было детство Матроны, ей пришлось больше остальных сестер и братьев терпеть от родителей обиды, ругань, а иногда и побои. Они невзлюбили ее, когда ей было еще совсем мало лет, постоянно обходя ее своим вниманием и заботой. Придут они, бывало, с базара и при всей своей бедности какими-никакими, а подарками всех детей одесят, только Матрону обойдут, и она молча отойдет в сторонку.

В 1870 году, когда Матроне исполнилось шесть лет, она заболела оспой, болезнь протекала тяжело, все тело ее надолго покрылось нарывами. Спала она тогда на лежанке за печкой, где редко кто убирал, и там накапливалось много сору. Мать ее вымыла, тело Матроны распухло, и она ослепла. Евдокия не стала лечить дочь, не стала и молиться Богу о ее здравии. Девочка болела долго, а выздоровев, навсегда осталась слепой.

После выздоровления на Матрону были возложены обязанности няньки младших сестер и братьев, и она стала маленьким слепым поводырем для зрячих несмышленных детей. Трудной и даже мучительной была для нее эта обязанность, которую она исполняла около двух лет. Особенно тяжело ей было нянчить полуторагодовалую сестру; бывало, Матрона не могла ее удержать и роняла, за что мать жестоко наказывала Матрону.

Когда Матроне было восемь лет, мать однажды ушла на речку полоскать белье, а девочка, по обыкновению, занималась с сестрой, но трудно было ей уследить за малышкой, та упала с крыльца и, перепугавшись, заплакала. Евдокия, вернувшись, жестоко наказала Матрону за недосмотр: била так, что могла, казалось, забить ее насмерть. В это время слепой девочке явилась Пресвятая Богородица. Матрона сказала о явлении матери; та выслушала, но не поверила и с еще большей ожесточенностью принялась ее избивать. Девочке вновь явилась Пресвятая Богородица, и снова она сказала об этом матери, но та ее уже не слушала, продолжая бить. Явившись в третий раз, Матерь Божия подала Матроне записку, в которой было написано много

утешительного для нее, но что именно, об этом Матрона никогда никому не рассказывала.

После побоев с трудом взобралась Матрона на свое место, на лежанку за печкой, и пролежала там до утра. Утром ее позвали есть, но она уже не могла встать — руки и ноги и все тело ее были покалечены. С этого времени она уже не могла ни ходить, ни сидеть, а только лежать. Если до сего момента жизнь для слепой девочки была весьма нелегкой, то с этого времени начались для нее страдания еще большие. Первое время родные не верили, что она не может ходить, а считали, что она притворяется, и всячески ее попрекали болезнью.

С этими горькими, почти ежедневными попреками начался для Матроны новый этап жизни. Родные в это время даже не пытались оказать ей какую-либо врачебную помощь, все тело у нее продолжало болеть и особенно руки: левая рука была сломана и впоследствии срослась неправильно, а искалеченная правая со временем высохла; Матрона стала плохо владеть руками и лет до сорока сама уже ничего не могла ими взять. Жила же она в это время так: попросит она дать ей хлеб — дадут, попросит еще — уже не дадут. Когда надоедало каждый день есть только хлеб, она просила мать испечь ей сдобную лепешку, и та хотя и исполняла ее просьбу, но все время, пока пекла, ругала ее привередницей и еще худшими словами, так что девочка уже со слезами ела лепешку, приготовление которой сопровождалось не молитвой, а поношением.

Много слез пролила в это время Матрона, и то было ей особенно прискорбно, что источником ее страданий являлась ее же родительница. Один только Господь,

не забывающий всех скорбящих, утешал ее в эту пору. Однажды в субботу на Фоминой неделе она увидела в сонном видении, как Спаситель сошел со Креста и вместе с Матерью Своей подошел к ней. У Спасителя на руках и ногах были от гвоздей раны, и из них текла кровь. Матрона приложилась к Его руке, и когда проснулась и отерла губы, то почувствовала, что на губах была кровь. И все ее тяжкие страдания померкли тогда перед страданиями и ранами Спасителя. Впоследствии при рассказе о страданиях Спасителя слезы сами собой лились из глаз Матроны.

Много лет она пролежала в родительском доме, терпеливо все перенося. Жители Анемнясева, зная о ее нелегкой жизни, относились к ней с глубоким сочувствием и со временем стали видеть в ней великую угодницу Божию и навещать ее с просьбами помолиться.

Первым пришел к ней пильщик из той же деревни. «Матушка, — сказал он, — вот ты уже лежишь столько лет, ты небось Богу-то стала угодна. У меня спина болит, и я пилить не могу; потрогай-ка мне спину-то, может быть, и пройдет от тебя; ничего мне не остается делать, так как лечился-то я лечился, а доктора не помогают». Матрона, помолившись, прикоснулась к спине пришедшего, и боли милостью Божией и по вере прошившего прекратились, и он стал работать, как прежде.

Со временем все шире расходилась молва о ней, множество людей стали приходить к ней со своими скорбями, нуждами и болезнями. Эти посещения принимали по временам характер настоящих паломничеств, приходили уже жители не только окрестных мест, но и дальних. В конце концов эти посещения

превратились в непрерывный поток, который продолжался в течение пятидесяти лет, когда люди стали приходить к ней ежедневно, иногда по несколько десятков человек в день, а иногда и до сотни. Великим постом 1930 года в один день ее посетило сразу семьдесят человек. Матрона в это время сурово постилась, была сильно утомлена и уже не в состоянии была беседовать с приходящими. Но, не желая оставить пришедших неутешенными, она поручила поговорить с ними близкой ей женщине, и, по молитвам подвижницы, никто в тот день не ушел неутешенным.

Посетители приносили Матроне в знак благодарности различные пожертвования, но, пока она жила у родителей, она не могла ими пользоваться, так как отец отбирал все приношения, выменивая их затем на табак и водку. Тяжело было переживать это Матроне, потому что, страдая сама, она желала бы помочь нуждающимся, а здесь к ее скорби добавлялась новая скорбь — не на доброе дело шли эти жертвования.

После смерти родителей хозяином дома стал брат Матроны Сергей, но и при нем блаженной жилось не лучше, и в конце концов Матрона стала жить вместе с незамужней сестрой Дарьей в небольшом домишке, выстроенном для блаженной почитателями. Однако и с сестрой ей было жить нелегко, так как та смотрела на нее исключительно как на средство наживы, отбирая все, что ей приносили, и почти не заботясь о ней.

Подвижница лежала круглые сутки в небольшой комнатке в детской кроватке, задернутой пологом. Летом, когда в избе становилось душно, ее выносили в прохладные сени, и там она находилась до

наступления зимы; несмотря на наступавшие холода, она никогда не просила, чтобы ее перенесли в избу, все терпеливо перенося. Родные, за исключением сердобольного и любившего ее племянника, не обращали на ее положение никакого внимания и переносили ее в избу лишь тогда, когда уже посторонние начинали им замечать, что далее в сенях лежать невозможно, что и скотину Господь заповедал жалеть, а они к беспомощному человеку безжалостны. Как-то в октябре, когда Матрона лежала в сенях, пошел ливень, который пробился сквозь кровлю и пролился на нее ледяными ручьями; она промокла до нитки, а к утру ударил морозец, отчего одежда на ней обледенела и стала как панцирь. Только тогда сестра сжалась над ней и перенесла в избу, за что Матрона искренне была ей благодарна. Посещавшие ее в эти осенние холода люди безмерно удивлялись ее терпению и смирению и спрашивали, не холодно ли ей. Но она всегда отвечала на это, что нет, не холодно, и протягивала руку, чтобы спрашивающий сам смог убедиться, что рука у нее теплая.

Ростом блаженная была как восьмилетний ребенок. Она могла без посторонней помощи переворачиваться с боку на бок, шевелить руками, брать в руки небольшие предметы. Говорила она легко и свободно, всегда близко к тексту цитировала Священное Писание, пересказывала очень точно жития святых, любила петь церковные песнопения и канты. Весь Божий мир сосредоточен был для нее в стенах кельи, но и ту она никогда не видела, она не могла ходить в храм, слышать, видеть и утешаться тем, чем могли утешаться другие, не могла она и общаться с теми, с кем, может быть, хотела,

а только с теми, кто сам к ней приходил, да и тех она только слышала и если могла видеть, то разве что духовным зрением. Весь внешний, доступный для нее физический мир был очень ограниченным и, казалось бы, бедным, но богатство ее внутреннего мира обогащало и утешало множество людей.

«Беспрерывная цепь испытаний, страданий и горя, переживаемых Матрешей с необыкновенным терпением с самого раннего детства, — писал ее жизнеописатель в 1933 году, — была для нее той школой, тем великим непрерывным подвигом, в горниле которого очистилась ее душа, мысль и сердце отрешились от всего земного, утвердилось и окрепло постоянное стремление в мир другой, высший, который постоянно предносился ее духовному взору. С нашей житейской точки зрения естественнее было бы предположить, что эти непрерывные страдания, эти тяжкие, незаслуженные обиды должны были бы повергнуть ее в пучину отчаяния и тоски, сделать ее злой ворчуньей, озлобленной на всех и всё, как это при подобных обстоятельствах часто наблюдается в нашей жизни; но в данном случае мы видим совершенно обратное — мы видим, что душа ее преисполнилась живой верой и надеждой на Бога, сердце зажглось деятельной любовью ко всем и каждому, отозвалось полным состраданием и сочувствием на всякое несчастье, горе, беду, на всякую немощь человеческую.

Мы не знаем, каких трудов, каких усилий стоило Матреше подняться на ту высоту духовно-нравственного состояния, которого она достигла в своей жизни; мы не можем сомневаться только в одном — что

эти труды, этот подвиг были действительно великим подвигом, совершить который эта слепая, безнадежно пригвожденная к одру, неграмотная, совершенно беспомощная и одинокая, заброшенная в глухой деревне девочка могла только при помощи Божией. И Бог дал ей силу достигнуть не только личного высокого религиозно-нравственного совершенства, но и сделаться центром и источником религиозно-нравственной жизни для многих и многих верующих».

С некоторых пор Матрону стали посещать деревенские девушки, и составилась небольшой хор; они пели с ней церковные песнопения и религиозные канты. Иногда приходил какой-нибудь грамотный человек и, будучи сам любителем молитвенного и духовного чтения, читал по просьбе Матроны акафист, или молитвы, или Священное Писание. Все это она запоминала, так что впоследствии могла цитировать наизусть многие тексты из Священного Писания. Причем если она пела церковные песнопения, то всегда правильно выдерживала церковный напев. Однажды она попросила посетившую ее монахиню спеть ей церковное песнопение, но та стала отказываться, говоря, что совершенно не умеет петь. Это очень удивило и огорчило Матрону. «Не умеешь петь? — переспросила она недоверчиво. — Да ты в церкви каждый день бываешь! Да ты хуже деревенской бабы! Вон у нас Авдотья-то, она и то умеет петь, в церкви выучилась, а ты не умеешь?!»

Причащалась Матрона Святых Христовых Таин не менее одного раза в полтора месяца, для чего приглашала приходского священника. С 1932 года это был только что рукоположенный ко храму великомученицы Параскевы

в селе Шеянки священник Александр Орлов¹⁰, ставший и духовником, и духовным сыном праведницы. День, когда он приходил к ней со Святыми Дарами, был для нее всегда радостным, воистину пасхальным днем. Иногда священник приходил к ней послужить молебен, что было для нее также великой отрадой.

Очень строго относилась блаженная Матрона к соблюдению постов. С семнадцати лет она отказалась от вкушения мясного и постилась, кроме среды и пятницы, в понедельник. Во время постов она почти ничего не ела. Одна из посетительниц, пришедшая к ней однажды на Пасху, заметила, что Матрона бледна и чувствует себя очень слабой. Оказалось, что в течение всего Великого поста она ничего не ела, пила только воду, прокипяченную с ладаном; во время поста она дважды соборовалась.

Она очень скорбела, что несоблюдение постов становилось все более повсеместным и привычным явлением современной ей жизни и людьми даже не почиталось за грех. «Беззаконники сознают, что совершают беззаконие, — говорила она, — а кто постов не соблюдает, тот даже не сознает, что он грешит». К таким Матрона относилась с большой настороженностью.

К ней обращались за молитвенной помощью, за утешением, за облегчением в скорбях душевных и телесных. Но часто приходящие, что-то прося для себя, сами отступали от истины. Просили о помощи и даже о чуде, а сами попускали себе греховные поблажки. Прими такого с любовью и не обличи, так он и не вспомнит свой грех; поэтому таких, чтобы обратить их внимание

¹⁰ Священноисповедник Александр Орлов; память 14/27 апреля.

на совершаемые ими проступки, Матрона принимала иной раз с нарочитой суровостью.

«Пришла я к Матреше утром, сижу у нее, никого еще нет, — рассказывала одна из ее посетительниц. — Смо-
трю в окно, идет старушка, я и говорю:

— Старушка идет.

— Ну что ж, пусть, — отвечает Матреша.

Отпираю дверь, входит старушка и говорит:

— Здравствуй, Матреша!

— Здравствуй! Ну, что ты пришла?

— У меня ужасно как голова болит.

— Да пусть она у тебя еще больше болит!

— Да что ты, матушка?! Я ведь к тебе ходила, и ты меня принимала.

— Ну что ж, что я тебя принимала, а голова-то у тебя пусть болит, да чтобы отвалилась, вот чтобы как бодела! Иди-иди от меня, иди.

— Да ты бы хоть водички-то святой дала.

— Нет тебе ничего! Иди и уходи, и уходи, и уходи!

Старушка вынуждена была направиться к двери. Провожая ее, я спросила:

— Скажи, бабушка, чем ты согрешила, что Матреша так проводила тебя?

— Ой, матушка, ведь я пост соблюдать перестала, — сказала старушка и горько заплакала».

Одна женщина часто приходила жаловаться Матроне, что в настоящее время очень трудно соблюдать посты, так как постное масло стало дорого стоить. Матрона долго молчала, терпела и наконец сказала ей на все ее жалобы: «Масло удешевить можно: первую, четвертую, Страстную недели не ешь с маслом, не ешь

в среды и пятки, вот оно, масло-то, и дешевле обойдется».

Не удовлетворяясь постами, блаженная Матрона старалась томить свою плоть и иначе. Одна из близких к ней посетительниц рассказывала, что она иногда мочила голову холодной водой, открывала плечи и шею и так лежала, пока вся не посинеет от холода. «Другие же страдают, — говорила она, — зябнут и мерзнут на холоде, и мне тоже нужно померзнуть».

На кровати у нее лежал мешок с камнями весом около пуда. Камни эти были принесены ее почитателями из разных святых мест. Блаженная с молитвой перекладывала и перебирала их. «Надо ведь трудиться», — говорила она.

С большим благоговением она относилась к святым местам и в особенности к Святой Земле, Дивеевскому и Саровскому монастырям. Она всегда говорила о них с особым умилением и любовью. Своим благочестивым посетителям она часто советовала побывать в Дивееве и Сарове, как местах особенного присутствия благодати Божией. Одна из посетительниц принесла Матроне камень из Канавки Дивеевского монастыря, и та с благоговением и молитвой взяла его, положила на грудь и сказала, что испытывает огромную радость. Конечно, эта радость была не от камня, а от незримого присутствия Матери Божией, которое Матрона ощущала, обращаясь к Ней с теплой молитвой. В другой раз эта же женщина, получив некоторые святыни от Гроба Господня, отправилась передать их Матроне. Когда она пришла, блаженная сразу же к ней обратилась, сказав:

— Уж я так тебя ждала, что все мои посетители удивлялись, что я так тебя жду!

— Матреша, да ведь я тебе иерусалимские святыни принесла.

— Вот я их-то и ждала-то...

И она с глубоким благоговением приняла в руки принесенные ей святыни, и казалось, что вместе с ними и сама перенеслась духом в Иерусалим ко Гробу Господню.

Из всех церковных праздников Матрона больше всего любила и чтит Пасху. Она всегда встречала ее с необыкновенной радостью и ликованием и в таком настроении пребывала все послепасхальные дни. «Всю Пасху до Вознесения, — говорила она, — нужно быть радостным и веселым и всех угодников не столько почитать, сколько “Христос воскрес...” петь, до самого Вознесения все Пасха и Пасха».

От отроческих лет находясь безвыездно и безвыходно в своей деревне и доме, Матрона знала многих современных ей подвижников и благочестивых людей, хотя никогда лично с ними не встречалась.

Очень почитала Матрона блаженную Марию Ивановну Дивеевскую, точно так же и Мария Ивановна любила и чтит Матрону. Между ними установилось как бы особенно тесное внутреннее общение и глубокая внутренняя связь, хотя их и разделяло значительное расстояние и каждая не покидала своего места жительства. «Матреша всегда с радостью благословляла меня на путешествия в Саров и Дивеево, — рассказывала одна из ее посетительниц, — и при этом всегда заказывала побывать у Марии Ивановны Дивеевской,

и я неоднократно во время путешествий у нее бывала. Однажды, когда я сказала Марии Ивановне о Матреше, она, как бы задумавшись, ответила мне: «Ведь мы с ней каждый день вместе трапезуем»».

Верстах в пятидесяти от Касимова, недалеко от города Меленки, жил юродивый, которого звали Абрамушка. Родом он был из села Лощинина, находившегося в трех верстах от Касимова. На родине ему пришлось перенести от односельчан много обид и огорчений, но в том месте, где он затем поселился, он пользовался большим уважением и его почитали человеком святой жизни и прозорливцем. Блаженная Матрона отзывалась о нем как о человеке выдающемся. «Он хороший, хороший», — говорила она о нем своим посетителям. Однажды одна из посетительниц Матроны увидела Абрамушку сидящим на церковной паперти. Она поклонилась ему в ноги и спросила: «Абрамушка, знаешь ли ты Матрешу?» Услыхав ее имя, он в ту же минуту поспешно встал, снял шапку, обернулся в ту сторону, где жила праведница, и три раза поклонился.

Блаженная вообще очень любила и уважала так называемых глупеньких и дурачков, вообще людей страждущих и не имеющих, где приклонить голову. «Я им больше верю, — говорила она о таких людях, — они больше знают этих начитанных-то. Ничего, что они дуры, дуры-то лучше. Вот был такой дурачок, глупенький — Карамышевский Саша, а он один знал, что мне житье плохое. Да как знал-то! А вот раз пришел, сел у меня на крылечке, а сам плачет-разливается. “Ты о чем, Саша, так плачешь?” — спрашивают его, а он им

и говорит: “А у Матрешки прислуга-то очень плохая”. Он один знал это и так-то пожалел меня».

Множество людей посещало блаженную Матрону, а те, кто не имел возможности сам к ней прийти, посылали ей письма с просьбой помолиться за них или за их близких или передавали такие просьбы через своих знакомых. Эти просьбы никогда не оставались неуслышанными. Всякий, кто побывал у Матроны, отзывался о ней с чувством глубокого благоговения и преклонения; все в один голос говорили, что это воистину человек Божий, святая, получившая от Бога особенную благодать, наделенная дарами учительства, прозорливости и исцеления недугов духовных и телесных. Блаженная Матрона внутренним, духовным оком видела каждого из своих посетителей и каждому давала то, что ему было нужно, полезно и необходимо, в зависимости от его духовного настроения.

Одних она терпеливо учила и наставляла, других обличала, раскрывая им их грехи и пороки, третьих ободряла и утешала, четвертых предупреждала, указывая на могущие быть душевредные последствия из-за выбранного ими ошибочного пути, пятых исцеляла от болезней, всех стараясь направить на путь богоугодной, христианской жизни.

Были люди, которых она принимала чрезвычайно ласково, с радостью и участием, как дорогих и близких ей. «А я ждала тебя, — говорила она таким, — думала, что ты придешь». И беседовала много и охотно, к большому утешению посетителя.

Других она даже прогоняла от себя, что, впрочем, случалось чрезвычайно редко. «Уходи, уходи, — в этих случаях говорила она. — Я не Бог, не пророк, уходи

и уходи, и зачем ты шел, зачем ноги топтал?» Иногда она, не отвечая на заданный вопрос, говорила: «Мы грешные — и будем все знать? Я не могу все знать. Вы сами ученые, сами знаете». Это бывало, когда человек заходил к ней или из праздного любопытства, или когда она хотела, чтобы человек сам серьезно задумался, что ему в действительности нужно. Последние через какое-то время возвращались к ней, но уже с другим настроением, и тогда она принимала их с радостью. Некоторых она пускала как бы со скорбью, зная, что они хотя и спрашивают ее совета, но не слушаются и себе на беду поступают по-своему.

Некая девица Анна собралась выходить замуж. Один кандидат ей очень понравился, но ее родителям не нравилась его семья, как ненадежная в нравственном отношении; другой ей не нравился, но родители хотели за него выдать, и семья его им понравилась. Анна пришла посоветоваться к блаженной, но та не велела ее впускать, сказав через дверь: «Вы треплетесь, треплетесь по улицам-то, не знаете, что и делать. И родителей не хотите слушать: вам говорят одно, а вы другое». И не благословила ее выходить замуж за понравившегося ей кандидата. Анна, вопреки воле родителей и совету блаженной, поступила по-своему; брак оказался несчастливый: в конце концов семья развалилась.

Своих посетителей блаженная учила, чтобы они не только на эту жизнь надеялись, но готовили себя к будущей жизни и ради нее жили здесь, не привязываясь ни к чему земному, учила их жить по-Божьи, исполнять заповеди Господни, молиться Богу и на Него надеяться, а на земле твердо и безропотно нести свой крест. В своих

беседах с посетителями она часто приводила тексты из Священного Писания, особенно из Евангелия; ссылаясь на события из Священной истории, она полагала их в основу всех своих наставлений. Часто для пояснения той или иной мысли она приводила случаи из жизни святых. Она учила подражать жизни святых, говорила о необходимости обращаться к ним с молитвами.

«Как жить-то трудно», — скажет ей иной раз какая-нибудь посетительница, сетуя на обстоятельства своей нелегкой жизни. «Да ведь святые отцы, — скажет ей в ответ на это Матрона, — в каких трудах-то находились и пост держали как следует, и трудились, и гонения терпели, и за все Господа благодарили да радовались. Да, трудно. Но Бог-то ведь помогает. Помогите, Господи, крест понести!»

Жалуется иной раз женщина, что хлеба нет, семья голодает. «Молись, — говорит ей в ответ на это Матрона, — святым Петру и Онуфрию. Святой Онуфрий тридцать лет хлеба не ел».

Особенно часто в духовных беседах вспоминала блаженная Матрона преподобного Алексия, человека Божия. Монахиня касимовского Казанского монастыря Надежда жила в своей келье одна, но вот задумалась — не взять ли к себе какую-нибудь из сестер, и обратилась за разрешением своих сомнений к блаженной Матроне. Та ей ответила: «Жил же Алексий, человек Божий, один». И тем разрешила ее сомнения.

Одна женщина из Касимова в течение года переменила четыре квартиры и начала было подыскивать пятую. Придя к Матроне, она пожаловалась ей:

— И когда я покой найду! Домик, что ли, купить мне?

— Ну, один старец восемнадцать пустыней обошел и нигде не нашел себе покоя, — ответила ей на это Матрона.

Важным для спасения человека деланием Матрона считала молитву, которая, по ее словам, все может устроить. Сама она молилась по четкам, которые всегда держала в руке неприметно для посетителей.

Молиться блаженная советовала каждому соответственно с его обстоятельствами. Одним советовала молиться в 9, 10 и в 11 часов ночи, другим, занятым на работе или многосемейным, говорила, что можно молиться везде и всегда, можно молиться и при людях, молясь умом, можно молиться и лежа в постели, что и такая молитва доходит до Бога. Но особенно высоко ценила Матрона молитву церковную и настаивала на том, чтобы каждый обязательно и при всяком удобном случае ходил в храм. «В церкви молитва в три поклона, — говорила она, — больше, чем дома в триста. Всякий, кто ленится ходить в церковь и молиться, ссылается на недосуг и разные дела, такой человек... хватится потом, да будет поздно. Ведь неизвестно, когда Страшный Суд, а нас, нерадивых рабов, не добудишься, страшная труба только разбудит».

Одна женщина жаловалась Матреше, что она редко может ходить в церковь. «У меня полна изба ребят, — говорила она, — ребята учатся, я должна на них стряпать и выполнять все домашние работы, рада бы пойти, да нельзя дом-то бросить». Матреша дала этой женщине икону Божией Матери, известную под названием Запечной¹¹, и при этом ничего не сказала; этим она дала

¹¹ «Запечный», или «Хлебенный», список Тихвинской иконы Божией Матери почитался в Соловецком монастыре как чудотворный

женщине понять, что Царица Небесная слышит везде усердную молитву.

Приходящим она советовала, если у кого кто болеет, взять у нее святой воды и окропить больного или взять масло из неугасимой лампы, горящей в ее комнате перед иконами. Иногда она сама давала масло, принесенное кем-либо из святых мест, советуя помазать этим маслом больного.

Блаженная Матрона отличалась отзывчивостью. Она говорила с каждым, кто к ней приходил, давала совет, наставление, иногда то или иное конкретное указание.

Мужчины и женщины, старые и молодые, люди разного социального положения и профессий шли к блаженной Матроне, и каждый с ее стороны встречал равное отношение, приветливость и любовь. В ее комнате можно было ежедневно слышать такого рода разговоры:

— Матреша, жениться хочу, невесту нашел.

— Вот ко мне тоже учитель недавно приходил, говорит, что жениться хочет, а я ему и говорю: за богатством-то погонишься, толку-то не будет.

И уже слаженная свадьба расстраивалась.

— Матреша, что мне делать-то? Мужик-то мой пропал, сколько месяцев весточки нет, погиб, знать, совсем. Помолись, матушка!

— Придет, придет твой муж! Теперь без него плачешь, а время придет, все соберется, да есть будет нечего.

явленный образ. По монастырскому преданию, эта икона принадлежала святителю Филиппу, митрополиту Московскому, и была обретена им в бытность его на послушании в хлебне.

— Матреша, мать умирает! Муж умирает! Ай не поправится?

— Скажи ей, чтобы все раздала, кому что нужно, чтобы распорядилась всем, пока еще жива. Поминки-то плохие будут.

— Матушка, место в Москве выходит, хочу переехать.

— Да что место-то менять? На своем месте дерево-то крепче корнями сидит. Многие вот уезжают, да много и опять возвращаются на свое место-то.

Матрона отвечала каждому обращающемуся к ней за советом, и факты сами за себя говорили, что она не ошиблась, давая совет или делая то или иное указание, как в данном случае следует поступить. Людям, не послушавшим ее совета, впоследствии приходилось в этом горько раскаиваться.

Что касалось бесед и наставлений, с которыми обращалась Матрона к своим посетителям, то и содержание, и характер ее бесед и наставлений были чрезвычайно разнообразными. Блаженная, как будто видя человека насквозь, в беседе обычно указывала его самое больное место, которое требовало усиленного врачевания, помогала ему осознать свою болезнь, о существовании которой иной человек и не подозревал, и с этого времени встать на путь исправления. При этом Матрона указывала только на один какой-нибудь духовный недуг, предлагая человеку сосредоточиться именно на нем и не расплываться по многим направлениям, что зачастую только затрудняет борьбу со страстями. Видя, что человек страдает несколькими духовными недугами, она не называла их ему сразу все, но постепенно, через некоторый промежуток времени, чтобы человек

не унывал и мог с успехом с ними бороться. Многие, испытав на себе пользу от ее наставлений, старались чаще прибегать к ее помощи, особенно в минуты сомнений и колебаний, когда нужно было опереться на что-то твердое и положительное, и в ясном совете блаженной они это твердое и положительное находили.

Касимовская жительница А. М. Бар-ва, желая получить от Матроны наставление религиозно-нравственного характера, прежде чем идти к ней, всесторонне обдумала, о чем будет спрашивать. Но когда пришла, то не успела задать ни одного вопроса, как Матрона вынула из-под подушки листок с записью и попросила одну из присутствующих женщин прочитать написанное. Это было повествование о том, как Мариам и Аарон упрекали своего брата Моисея за жену Ефиоплянку, за что Мариам была наказана проказой, но по молитвам Моисея исцелена¹².

Чтение этого повествования произвело сильное впечатление на пришедшую. Она поняла, что Матрона хотела ей указать на то, что она часто ссорится со своей снохой и, находясь с ней во вражде, часто упрекает за нее брата. Она уже ни о чем больше не стала спрашивать Матрону, все заготовленные ею вопросы показались ей праздными и незначительными по отношению к этому главному.

Блаженную довольно часто посещала монахиня А. из касимовского Казанского монастыря. И однажды Матрона спросила ее:

— Сколько у тебя икон в келье?

¹² См.: Чис. 12.

— Очень много, хорошие иконы, очень у меня их много, — ответила монахиня.

— Да какие же они? — настаивала на более конкретном ответе блаженная.

— Я не могу тебе, Матрона, все их назвать, много их.

Матрона, услышав такой ответ, опечалилась, но больше уже ни о чем ее не спросила.

На обратной дороге монахиня обратилась к своей спутнице, присутствовавшей при разговоре, с вопросом:

— Скажи, не знаешь ли, к чему спрашивала меня Матрона об иконах и почему она так опечалилась?

— Как же Матроне не печалиться, — ответила та, — ты — монахиня и не знаешь, какие у тебя иконы?! Имея столько икон, ты должна прославлять каждый день всех святых, изображенных на этих иконах, а ты даже не знаешь их!

Здесь только монахиня поняла, отчего так опечалилась Матрона и что она хотела этим сказать.

В другой раз той же монахине блаженная сказала:

— Живи, как старцы живут.

Та не поняла, что означают эти слова, и на пути домой размышляла, что они могли бы означать, и наконец спросила спутницу:

— Ведь я живу так же, как старцы. Собирать не хожу, ничего лишнего не имею и одежды лишней не имею. Есть у меня в запасе только хлеб, до новины хватит.

— А ты помогала кому хлебом-то? — спросила ее спутница.

— Нет, себе блюла, голода боялась, — ответила монахиня. И тогда ее осенило. — Я ведь согрешила, — вслух

произнесла она. — Старцы-то другим отдают, а сами-то голодают. Да! Я никому не помогала. Это мой грех. Вот о чем говорила мне Матреша.

В другой раз во время посещения монахини А. блаженной принесли много гостинцев — яблок, конфет, пастилы, яиц. Все это она вынула из кулечков и разложила вокруг себя. Монахиня, глядя на это, подумала: «Почему это она разложила, ведь Ирина, племянница, все это себе возьмет?» Отвечая на ее мысли, Матрона сказала:

— Посмотри, что здесь вокруг меня лежит. Если я Ирине не отдам, то у меня тут все сгниет, да и сама-то я сгнию со всем этим.

И монахиня сказала Матроне:

— Согрешила я, Матреша, пойду скажу Ирине, все это у тебя нужно убрать.

— Ну, то-то же, — ласково ответила на это блаженная.

Многие жители Анемнясева и окрестностей посещали Матрону не только когда попадали в трудные обстоятельства, но постоянно пользовались ее советами и не начинали ни одного дела без ее благословения.

Уроженец деревни Анемнясево Трофим Васильевич Тишкин рассказывал о блаженной Матроне: «Вся жизнь моя идет по благословию Матрешы. Без нее мы никуда. Что бы мы ни делали, что бы ни случилось с нами, все к ней и к ней. Дай Бог ей здоровья! И никогда она нам не отказывала. То совет даст, то предупредит, то в беде молитвой поможет. Кабы не она, то и в живых меня давно бы не было. Одно слово, святой, Божий человек она». И он рассказал о нескольких случаях ее благодатной помощи.

По специальности пильщик, он работал то на одном, то на другом лесопильном заводе, иногда уходя далеко от своей родной деревни на заработки. «Идешь... в незнакомый край, на незнакомый завод, — рассказывал он, — что там, как придется работать, как семья жить будет — много тревог переживаешь, обдумывая все это. Но сходишь к Матреше, скажет: “Иди, иди, с Богом иди” — и сразу легко и спокойно станет, уже знаешь, что все обойдется благополучно. А скажет другой раз: “Да зачем туда идешь-то, что там хорошего-то?” Лучше и не ходи. В прежние времена не слушался я иногда Матрешки, и всегда в таких случаях плохо выходило, всегда раскаиваться приходилось, что не послушал Божьего человека.

Пошел я как-то однажды на один завод, завод хороший и условия хорошие, верст за двести от нас. Работаю, все хорошо идет, доволен я. Подошло Прощеное воскресенье. Пришли ко мне несколько товарищей, сели мы за стол, выпили водки понемногу, я сразу как-то почувствовал, что со мной плохо, как в тиски меня взяло и дыхание захватило. Едва залез я на печку; утром хуже, отвезли в больницу. Оказалось, воспаление легких. Два месяца я лежал в больнице, пока врачи не сказали, что и лечить бесполезно, что все равно умру, не поправлюсь.

А лежал-то уж я совсем полумертвый, не двигался вовсе, рукой шевельнуть не мог, высох весь. Попросил жене письмо написать. Получила она такое письмо и метнулась прямо к Матреше. “Помоги, Матреша, помоги, помолись, погибает мужик-то”. — “Бог милостив, — сказала ей на это Матреша. — Даст Бог,

поправится, а я помолюсь. Вот, возьми масла из лампадки, помажь его, да тут же и возьми из больницы на квартиру, где он жил. Не убивайся, Бог даст, все хорошо будет. Спешь”.

Жена тут же приехала ко мне, помазала меня маслом и обратилась к врачам с просьбой, чтобы отпустили меня на квартиру. Врачи и слышать об этом не хотели. “Его трогать нельзя, — говорили они, — возьмишь его, он в нашей же прихожей умрет”. Но жена не отставала, она и меня заставила просить. В конце концов врачи согласились: надежды нет никакой, все равно умирать-то. Жена немедленно перевезла меня на квартиру. Мне скоро стало легче; через неделю я уже садился в постели, а через месяца полтора поправился совершенно и приступил к своей работе. Врачи дивились на меня... С тех пор я здоров и за все это время никакими болезнями не болел...

Построил я себе в деревне новую избу; построил, а на страховку денег не было. Уехал я на завод, на работу встал и из первой же полочки послал тестю денег с просьбой застраховать дом, а жене написал, чтобы подарок Матреше отнесла. У тестя оказались расходы, он деньги истратил, а дом не застраховал.

Жена тем временем пошла к Матреше и передала ей подарок, [сказав]:

— Вот, мужик-то мой подарок велел тебе передать.

Матреша взяла подарок и тут же спросила:

— А дом-то застраховали?

— Нет еще, — ответила жена, — денег нет.

— Завтра же застрахуй, застрахуй обязательно, не откладывай, — настойчиво говорила Матреша, и в тече-

ние дальнейшей беседы она несколько раз повторила о необходимости немедленно застраховать избу.

Жена кое-как собрала денег и через день внесла страховку, а еще через два дня в нашем конце [деревни] случился пожар, сгорело двадцать два дома, в том числе и наш. Благодаря предупреждению Матрешки мы получили страховку».

«[Как-то] поехал я за хлебом верст за двести, — рассказывал Трофим Васильевич, — дело было зимой. Купил я несколько мешков хлеба, нужно ехать домой, а тут ударил мороз, начались метели. Едва сторговал я извозчика, взялся везти, но скоро отказался — лошадь слабая, нельзя было ехать по тяжелой дороге. С большим трудом нашел я другого извозчика, два дня мы с ним бились, измучились совсем... к вечеру совсем сбились с дороги. Отыскивая дорогу, едва не потеряли друг друга среди метели; ночевали в поле, думали, что совсем замерзнем, едва на другой день добрались до деревни. Извозчик мой отказался дальше ехать, и я уже кое-как добрался с третьим, опоздав домой на две недели.

Жена в это время страшно обо мне беспокоилась, побежала к Матрешке, плачет... говорит, что погиб-де мой мужик. Матрешка ее успокоила. “Вернется, — сказала она, — и хлеба привезет. А дорогой-то и померзнет, и поголодает, но будет здоров”. Жена успокоилась, а через несколько дней приехал и я».

Много подобных фактов сообщил Трофим Васильевич, с большим благоговением упоминая имя Матроны, называя ее святой, благодатной, блаженной, Божиим человеком. Почти все жители Анемнясева и его окрестностей были о Матроне совершенно определенного

мнения как о человеке святом, Божиим, каждый мог рассказать много удивительных событий из собственной жизни или из жизни своих близких, в которых принимала участие блаженная Матрона.

По соседству с блаженной Матроной жили тогда супруги Василий и Прасковья Поташкины. Как-то Василий отправился с товарищами на базар лошадей покупать. Все товарищи купили и домой приехали, а он отправился на другой базар, и нет и нет его, так что Прасковья стала думать, что ее мужа убили, и направилась к Матроне. «Да ты что, — сказала та, — погоди денька три плакать». Действительно, через три дня Василий вернулся домой. У их старшей замужней дочери Натальи дети умирали во младенчестве, что было для нее прискорбно, и она очень горевала и плакала и, придя к Матроне, сказала: «Ой, тетя Матрена, дети у меня не живут». Блаженная на это ответила: «Ну, чего о маленьких-то плакать?! Плачь о больших». Впоследствии умерли ее старшие дети, двенадцати и восемнадцати лет.

Жительница Касимова Мария Ивановна Путилина знала блаженную с 1911 года и очень почитала ее. Она пользовалась руководством блаженной более двадцати лет и всегда два-три раза в месяц посещала ее.

«Однажды пошла я к Матрешке, — рассказывала она. — Дело было зимой, холод, стоял мороз сильный, а дорогой поднялась вьюга, метель. Я промерзла вся, устала, измучилась, еле ноги переставляю, а сама боюсь, что не дойду, и все молитвы читаю. Помог Бог, кое-как добрела и говорю Матрешке: “Матрешка, я едва дошла к тебе”. — “Ну, и слава Богу; ты как Иван

Кущник!” — “Я его житие-то не знаю”. И Матреша рассказала мне все житие этого святого¹³».

«В 1919 году у меня овдовел брат, — рассказывала Мария Ивановна. — Осталось у него большое хозяйство, и он попросил меня пожить у него и помочь управляться с хозяйством. Не имея собственных детей, я, с согласия мужа, отправилась к брату и прожила у него два года. Трудно мне было жить у брата, и никак не могла я привыкнуть и смириться со своим положением. И однажды в трудную минуту решила уйти от него, но сначала отправиться к Матреше, испросить на это ее благословения.

Та с первых же слов начала ругать меня; так ругала, так ругала, часа два ругала, я все это время плакала и так сильно, что смочила слезами весь свой головной платок, а она все ругает — не велит уходить от брата.

Вернулась я к брату, и с этого времени жизнь моя стала полегче.

Через некоторое время я снова приехала к Матреше. Она спросила:

¹³ Блаженная Матрона, зная житие преподобного Иоанна Кущника (первая половина V в., память 15/28 января), имела в виду подвиг святого, жившего без крова, переноса «зиму, и зной, и мороз, и дождь», как повествуется об этом в житии, написанном святителем Димитрием Ростовским. Святой подвизался у ворот родительского дома в Константинополе, подобно нищему Лазарю, с той лишь разницей, что ему выносились остатки еды, которые он отдавал другим нищим. «Отец его, видя лежащего у ворот бедного нищего, начал посылать ему кушанья со своего стола, говоря: “Велико терпение у этого нищего: оставаясь без крова, он переносит и зиму, и зной, и мороз, и дождь; поистине таковые именно наследуют Царство Небесное”». Затем, когда по приказанию матери святого Иоанна прогнали от ворот, он стал жить поблизости в шалаше (куще), отчего и получил свое прозвание — Кущник.

— Кто пришел?

А на меня страх напал, робею и все не могу сказать, кто я такая, и все говорю:

— Я, я, уж я... — и больше ничего не могу выговорить.

— А, это которую я ругала-то? — сказала Матреша.

— Да, Матреша, это я.

— Ну, теперь я тебя ругать никогда не буду. Ты, дорогая моя Мария Ивановна, ходи ко мне и не бойся. Я дам тебе такую благодать, которой никогда никому не давала, — и с этими словами дала мне камешек, принесенный ей из святых мест».

«Прихожу однажды к Матреше, — рассказывала Мария Ивановна, — смотрю, она лежит в новой кровати, и мне стало жалко старой кровати, ведь целых пятьдесят лет на ней лежала Матреша. Я и спрашиваю:

— Где же старая кровать?

— В сарай вынесли, — отвечает Матреша, — на что тебе старую мою кровать?

— Мне хочется взять от нее дощечку себе на память.

Матреша засмеялась и говорит:

— Или клопиков моих захотелось тебе?

Ирина, жена ее племянника, услышав о моем желании взять доску, сказала:

— Я сейчас из сарая вам хорошую доску принесу.

— Мне надо доску с кровати, — сказала я.

— Ну, ступай, сама выбери и возьми себе, — сказала Матреша.

Я сходила в сарай и взяла себе доску. В это время я была у Матрешы не одна, а с одной своей знакомой, женщиной из деревни Поповки Пелагией Ивановной.

Поля, как мы звали ее, попросила у Матрешы и себе доску, но Матреша сказала:

— Нет, больше никому не дам.

Тогда Поля попросила у меня дать ей половину дощечки. Я, обращаясь к Матреше, говорю ей:

— Матреша, я ей не дам?

Она ничего не ответила, но по всему было видно, что осталась недовольна таким ответом.

— Я ей немножко дам.

Но и на это не последовало никакого ответа.

— Тогда я ей половину дам.

— Ну, вот так, Мария Ивановна, так, и я всегда так делаю — дай уж ей половину.

Когда мы с Полей вернулись домой, то распилили дощечку пополам и опилки поделили пополам.

На следующий день ко мне пришла касимовская жительница Елизавета Павловна и пожаловалась:

— Мария Ивановна, у меня так болят бока, что ничего делать не могу, доктора не помогают, а работать необходимо, жить надо; у тебя есть Матрешины вещи, помоги мне.

Я приложила к ее бокам принесенную от Матрешы кроватки дощечку, она помолилась и почувствовала облегчение, а на другой день стала работать, как прежде».

«Была я однажды у Матрешы, — рассказывала Мария Ивановна, — в то же самое время, когда у нее было несколько монахинь, с которыми она очень ласково разговаривала. Одна из монахинь сказала, что хорошо было бы им всем вместе сфотографироваться. Матреша поддержала это пожелание. Когда ушли монахини,

Блаженная Матрона Анемнясевская. 24 июля 1930 г. Фото В. В. Фотьянова

я и попросила у Матрешы разрешения снять ее на фото. Матреша согласилась и сказала: “Ведь это не грешно, преподобные все сняты на память, и мне можно”.

Вернулась я от Матрешы домой, а мне говорят, что меня ищет какой-то фотограф. Вскоре действительно явился человек, который назвал себя Василием Фотьяновым. Сказал, что он фотограф, что только что приехал из Рязани, и обратился ко мне с просьбой посодействовать ему и поехать вместе с ним в Анемнясево, чтобы снять Матрешу.

Это совершенно неожиданное появление фотографа поразило меня, и мы на другой же день, 24 июля 1930 года, поехали вместе с ним в Анемнясево. Ехали мы, несмотря на весь предыдущий разговор с Матрешей, со страхом, думали, что не примет нас Матреша, но она приняла нас очень ласково и тут же согласилась сняться. Снимать было в маленькой комнатке при недостатке света очень неудобно. Фотограф сомневался, получится ли снимок, но и здесь как будто были чудеса. Когда он ее снимал, я смотрела на ящик аппарата, и на нем были видимы мне лики святых. Когда Матреша была снята, я сказала ей:

— Матреша, да ведь он ли тебя снимал, ведь на ящике-то было очень много ликов святых? Я видела!

— Ну вот и хорошо, — ответила мне на это Матреша.

Несмотря на наши опасения, снимок получился хороший.

Фотограф здесь же сделал девять фотокарточек и передал их Матреше, а потом уже в Рязани сделал еще довольно много таких же и прислал их мне.

Когда я эти фотокарточки принесла Матреше, она отдала их мне и при этом сказала: “Там, кому знаешь, хорошим людям давай их”».

В последний период своей жизни блаженная благословила близкого ей человека, Марию Ивановну, чтобы та сама в иных случаях помазывала маслом из ее кельи больных, нуждающихся в исцелении. В 1930 году пришла к Марии Ивановне касимовская жительница по фамилии Берляева и рассказала, что дочь ее четырнадцати лет невыносимо мучается от боли в ноге, распухло колено, врачи нашли туберкулез кости и предлагают

сделать операцию. Девочка сама уже не может ходить и просит, чтобы к ней пришли и принесли что-нибудь от блаженной Матроны, чтобы облегчить страдания, так как у нее особенная вера в благодатную силу ее молитв.

Когда Мария Ивановна пришла к больной, та лежала в постели и плакала: «Что вы так долго не шли?» Мария Ивановна дала ей выпить святой воды и помазала больную ногу маслом, данным блаженной Матроной. Ногу перевязали, и девочка впервые почувствовала некоторое облегчение. Скоро она заснула, и наутро ей стало значительно легче. Через неделю она смогла ступать больной ногой на пол, а через три недели уже свободно ходила, не чувствуя никакой боли, и нога ее совершенно поправилась.

В мае 1931 года к Марии Ивановне пришла женщина из соседней деревни с тринадцатилетним мальчиком. У него на спине между лопатками образовалась небольшая опухоль, которая, постепенно увеличиваясь в размере, делалась все тверже. Более двух лет по настоянию матери его усердно лечили доктора, но опухоль не только не уменьшилась, но еще более увеличилась. В конце концов мальчик лишился возможности что-либо делать и уже не мог спокойно лежать, сильно страдая от боли.

Женщина попросила Марию Ивановну помазать опухоль маслом из лампы, висевшей в комнате блаженной. Все стали усердно молиться Богу, чтобы Он послал исцеление, и Мария Ивановна помазала больное место маслом и посоветовала им сходить в церковь, а также помолиться блаженной Матроне.

Мальчик этот через три месяца пришел сам к Марии Ивановне радостный: ему стало легче. «Могу дышать, — сказал он, — и кое-что делаю по хозяйству, опухоль стала меньше». Мария Ивановна в ответ сказала ему, что это блаженная Матрона пожалела его, и посоветовала еще раз ей помолиться и помазала опухоль маслом.

Через полгода он пришел к Марии Ивановне и сообщил, что у него все прошло, он уже пашет и не чувствует никаких признаков болезни. Мария Ивановна сказала, чтобы он молитвенно поблагодарил блаженную Матрону, а когда будет постарше, сходил бы к ней сам, чтобы поблагодарить ее лично.

Однажды прибежала к Марии Ивановне встревоженная и испуганная соседка. У ее дочки неожиданно случился приступ — лежит, как мертвая, и не дышит. «Что мне делать?! Иди скорее, помоги!» — просила она. Мария Ивановна незадолго до этого принесла от блаженной ветхий воздух, который той отдал священник. Мария Ивановна пришла к соседке и с молитвой к блаженной о помощи положила воздух на голову девочке. Девочка заплакала, открыла глаза и пришла в себя, приступ прошел.

У Марии Ивановны были четки, по которым долгое время молилась блаженная Матрона. У касимовской жительницы Варвары Михайловны П. случилось ущемление грыжи, и в больнице ей была сделана операция. После операции она настолько ослабела, что врачи уже ждали ее смерти, так как у нее оказалось больное сердце. Она послала за Марией Ивановной, чтобы та принесла ей какую-нибудь вещь от блаженной. Мария Ивановна принесла четки и положила больной на

грудь, отчего та почувствовала значительное облегчение, и через некоторое время здоровье ее пошло на поправку.

Весной 1933 года в Касимове случилась эпидемия гриппа, и многие даже умерли от этой болезни. Тяжело заболела гриппом Елизавета Крашенникова, которой было тогда шестьдесят лет, и была она уже при смерти, когда Мария Ивановна пришла к ней и дала ей старый орарь, который за ветхостью передали из храма блаженной Матроне. «Вот тебе лекарство, — сказала она Елизавете, — я и сама им лечилась». Елизавета, перекрестившись, опоясала себя орарем и попросила вслух блаженную Матрону помолиться о своем исцелении. Через три дня она выздоровела и горячо благодарила Бога за посланное ей по молитвам блаженной исцеление.

Как-то раз Мария Ивановна получила письмо из Москвы. Писала совершенно незнакомая ей девушка и просила, чтобы Мария Ивановна сходила к блаженной Матроне и попросила ее помолиться и помочь в беде. Беда эта заключалась в том, что родители девушки, люди весьма образованные, предались страсти пьянства, стали без разбора все продавать, чтобы только купить водки, и в самом недалеком будущем семье грозила полная нищета. Девушка пришла в отчаяние, не знала, что и делать, пока одна ее знакомая не посоветовала обратиться через Марию Ивановну к блаженной Матроне. Мария Ивановна передала просьбу девушки Матроне; та внимательно выслушала ее и ответила, что по милости Божией все будет хорошо, Бог их помилует. Через некоторое время Мария Ивановна получила от девушки второе письмо, в котором та с радостью

Блаженная Матрона Анемнясевская. 8 июля 1933 г. Фото С. Ф. Шибарева

сообщала, что с той поры, когда она попросила блаженную Матрону молиться, родители ее совершенно перестали пить, и в семье снова воцарился мир.

Марии Ивановне не раз приходилось передавать подобного рода просьбы блаженной Матроне, та со вниманием выслушивала и молилась, чтобы Господь оказал нуждающимся милость.

До середины 1920-х годов блаженная жила со своей сестрой Дарьей Григорьевной в домике, построенном почитателями. Жить у нее, как уже упоминалось, было нелегко, но Матрона долго все это терпела, пока, наконец, решила перейти жить к племяннику Матвеев Сергеичу. Сестра, узнав об этом, рассердилась, подала на нее в суд и отобрала у нее дом. В 1933 году на четвертой неделе Великого поста сестра скончалась, и Матрона стала усердно молиться о ее упокоении.

Марии Ивановне Путилиной, посетившей ее в это время, она сказала: «Все умерли, а я вот больная такая, а все живу — на все воля Божия!» И она стала говорить, насколько важна молитва об усопших, как много значит эта молитва перед Богом. Сама Матрона молилась за усопшую сестру непрерывно, молилась весь день и всю ночь по четкам, и в этот период ничего не ела. И лишь на пятой неделе поста, сильно ослабев, она подкрепила себя пищей. Мария Ивановна в это время приходила к ней читать Псалтирь о упокоении души Дарьи Григорьевны. По окончании чтения блаженная Матрона пела вместе с Марией Ивановной зауспокойные церковные песнопения.

Племянник блаженной, Матвей Сергеевич, был человеком добрым и набожным и с детства любил праведницу. С уважением и любовью относилась к блаженной Матроне и жена племянника Ирина Федоровна, которая усердно ухаживала за ней, стараясь насколько возможно облегчить ее страдания. Но здесь Матроне пришлось переживать уже по другой причине: дети крестьян из неверующих семей по обычаю мирских детских шалостей стали зло смеяться над детьми племянника. «Вон, — дразнили они их, — к Матреше пошли, лепешек принесли». Блаженная тяжело переживала, что над детьми племянника смеются за благорасположение к ней. После смерти Матвея Сергеевича за ней продолжала ухаживать его вдова Ирина Федоровна, жившая вместе с сыном Алексеем, почитавшим и любившим праведницу.

После начала в стране коллективизации и уничтожения крестьянских хозяйств усилились гонения

и на Церковь. Весной 1930 года во время Великого поста касимовская газета «Коллективист» опубликовала заметку о блаженной Матроне под заголовком «Избавьте от Матренушки», в которой корреспондент, выступавший под псевдонимом «Недалекий», писал: «В деревне Анемнясево живет некто Матренушка, которая слывет за святую гадалку. К ней ходят суеверные элементы послушать “Божьего” совета, на самом же деле она ведет антисоветскую агитацию... Кто бы избавил нас от Матренушки?» — обращался корреспондент с вопрошанием к ОГПУ.

В начале 1930-х годов власти стали препятствовать людям посещать блаженную, что было несложно делать, так как напротив ее дома жил некто Федин, считавший своим долгом прогонять всех идущих к блаженной. Завидев идущих к ней незнакомых людей, он сразу же бежал им навстречу и начинал кричать: «Куда идете?! Зачем идете?!» И некоторые вынуждены были уже идти не прямо к блаженной, а останавливаться в доме неподалеку, в семье Поташкиных, и оттуда уже, когда «страж» уходил, потихоньку к ней пробираться.

Некие супруги, возвращаясь из Касимова после приема у врача, решили по пути заехать к блаженной. Зашли они к ней в домик, кровать Матроны была закрыта пологом. Не открывая его, она спросила:

— Вы ко мне приехали? Вы от врача едете? Ты Наталья сноха?

— Да.

— Лечись, лечись. Вы скорей от меня уезжайте, а то меня преследуют.

Мария Ивановна рассказывала, что она знала Матрону на протяжении более двадцати лет и за это время та очень изменилась, особенно в последние годы жизни. Наиболее заметно это стало в Великий пост 1933 года. Раньше блаженная Матрона со всеми держалась просто, всех жалела, вникала в горе каждого человека, болела болезнями всех, несчастье другого было и ее несчастьем. Она подолгу и охотно беседовала с каждым, обсуждала различные вопросы и дела житейские, каждому давала ответ на то, что он спрашивал, не скупилась на советы и наставления, как поступать в том или ином случае, в тех или иных житейских обстоятельствах. С 1933 года она как будто совсем перестала интересоваться мирской жизнью, о житейских делах говорила редко и неохотно и только в исключительных случаях. Но о жизни духовной, жизни религиозно-нравственной, тем более о будущей жизни она готова была говорить бесконечно.

Когда Мария Ивановна навестила блаженную Великим постом в 1933 году, та чувствовала себя сильно ослабевшей. В течение поста она два раза соборовалась и однажды даже попросила Марию Ивановну прочесть ей канон на исход души, как бы предполагая, что может наступить время, когда некому будет его прочитать. Во время чтения она усердно молилась, а по окончании дала Марии Ивановне пучок свечей и сказала: «Чем могу, тем и плачу тебе, свечки хорошие, благодатные, ты будешь ими утешена». Особое внимание во время чтения канона блаженная обратила на слова «Ныне избавляяй никако и помогаяй воистинну никтоже: Ты помози ми, Владычице», «ибо друзи мои

и знаемии вкупе оставиша мя ныне, но, Надежде моя, никакоже да не оставиши мя». В большом раздумье, с грустью и в то же время с глубокой верой повторяла она эти слова, а потом, так же в раздумье и с грустью, стала говорить о том, что она теперь не так уже жалеет людей, как жалела раньше, что вся эта земная жизнь отдаляется от нее, уходит. «И уже никого, никого мне теперь не жалко, никого не жалко, — сказала блаженная, — только отца Александра¹⁴ немножечко-немножечко жалко...»

Некая женщина попросила Марию Ивановну взять ее с собой, когда она в очередной раз пойдет к блаженной Матроне. Та, узнав, что Мария Ивановна пришла не одна, была этим недовольна и сделала ей выговор.

— Матреша, да ведь жалко их, им хочется побеседовать с тобой, спросить тебя о жизни, получить наставление, — возразила Мария Ивановна.

— Я раньше сама всех так же жалела, — ответила блаженная, — погоди, погоди, и ты не будешь так же жалеть.

В последние годы жизни она все больше отрешалась от внешнего мира и уходила в себя, готовясь к переходу в иную жизнь; все ее мысли и чувства все больше сосредоточивались на этом.

В июне 1933 года блаженную Матрону посетили касимовские священники. Она жила в то время в небольшом деревянном домике, принадлежавшем ее покойному племяннику Матвею Сергеевичу. Пришедших встретила хозяйка, Ирина Федоровна, и провела

¹⁴ Духовник блаженной, священник соседнего села Шеянки Александр Васильевич Орлов.

к блаженной. Они оказались в маленькой чистенькой комнатке с одним окошком. В переднем углу горела лампада и было много икон. Блаженная Матрона лежала в маленькой кровати, завешанной пологом. Открыв полог, она поздоровалась с пришедшими. Она лежала без тюфяка, на покрытых простыней досках. Блаженная говорила быстро и оживленно, в подтверждение сказанного она на память приводила тексты из Священного Писания, факты из жизни святых, наизусть прочитала молитву, присланную ей с Афона. Она говорила о тяжести современной жизни, о страданиях, о необходимости терпеть все, что ни посылает Бог.

«Самим ничего не делать, а всегда прибегать к Господу, Он все видит и знает, — сказала она. — Сам Господь терпел, и нам нужно терпеть, сколько кому Господь пошлет. Трудна жизнь, трудна, помоги, Господи, крест понести! От креста-то своего никуда не убежишь; как ни трудно, а надо его нести. Мученики святые страдали, томились в темницах, всякие мучения претерпевали; они молились Господу, и Господь терпение посылал; пошли и нам, Господи, терпение, помоги крест понести...»

Пришедшие стали подробно расспрашивать блаженную о ее жизни, но она на все отвечала лишь общими фразами, показывая явное нерасположение говорить о себе. «Какая моя жизнь-то, — сказала она, — вот лежу с детства и ничего не вижу; не видела я в жизни ни покоя, ни отрады, а все вот жива, все дальше да хуже, а теперь время-то вот какое стало. Я ведь только лишь языком говорю, а сама-то какая я, тронь меня — и умру. И так-то уж я плохая стала; жжет и жжет меня, в голове жар

постоянно бывает, слабость большая; а кто придет, пере-неволишься и вовсе; а теперь еще недослышивать стала. А что говорить-то, на все воля Божия; все-то не объяснишь; Господь все видит, все знает, Его воля святая».

Летом 1934 года блаженную Матрону посетил приехавший из Москвы врач Сергей; судя по всему, это был Сергей Алексеевич Никитин¹⁵, так рассказавший впоследствии о блаженной Матроне¹⁶.

«В 1930-х годах меня заключили в концлагерь, — рассказал он. — Я тогда был врачом, и мне поручили в лагере заведование медпунктом. Большинство заключенных находилось в таком тяжелом состоянии, что мое сердце не выдерживало и я многих освобождал от работы, чтобы хоть как-нибудь помочь им, а наиболее слабых отправлял в больницу. И вот как-то во время приема работавшая со мною медсестра сказала мне: “Доктор, я слышала, что на вас сделан донос, обвиняют вас в излишней мягкости по отношению к лагерникам, и вам грозит продление вашего срока в лагере...”

Осужден я был на три года, которые уже подходили к концу, и считал месяцы и недели, отделявшие меня от долгожданной свободы, и вдруг!..

Я не спал всю ночь, и, когда вышел утром на работу, медсестра сокрушенно покачала головой, увидев мое осунувшееся лицо. После приема больных она мне нерешительно сказала:

¹⁵ Впоследствии был пострижен в монашество с именем Стефан и хиротонисан во епископа.

¹⁶ Поскольку рассказ записан человеком, знавшим епископа Стефана, но не знавшим саму блаженную, то в повествование попали некоторые неточности, которые мы опускаем.

— Хочу вам, доктор, один совет дать, но боюсь, что вы меня на смех поднимете... В том месте, откуда я родом, живет одна женщина, зовут ее Матронушка. Господь дал ей особую силу молитвы, и если она за кого начнет молиться, то обязательно вымолит. К ней много людей обращается, и она никому не отказывает, вот и вы ее попросите.

— Пока мое письмо будет идти к ней, меня успеют осудить...

— Да ей и писать не надо, вы покличете...

— Покликать?! Отсюда?! Она живет за сотни километров от нас!

— Я так и знала, что вы меня на смех поднимете, но только она отовсюду слышит, и вас услышит. Вы так сделайте: когда пойдете вечером на прогулку, отстаньте немного от всех и три раза громко крикните: “Матронушка, помоги мне, я в беде!” Она услышит и вас вызовет.

Мне все это показалось очень странным, но все-таки, выйдя на вечернюю прогулку, я сделал так, как меня научила моя помощница.

Прошел день, неделя, месяц. Меня никто не вызывал. Между тем среди администрации лагеря произошли перемены: одного сняли, другого назначили. Прошло еще полгода, и наступил день моего освобождения. Получая в комендатуре документы, я попросил выписать мне направление в город, близкий к тому месту, где жила Матронушка, так как еще перед тем, как ее покликать, дал обещание, что, если она поможет, буду поминать ее ежедневно на молитве, а по выходе из лагеря первым делом поеду и поблагодарю ее.

С волнением подошел я к ее дому и хотел было постучать в дверь, но она была не заперта и легко открылась.

— Можно войти? — громко спросил я.

— Входи, Сереженька, — раздался голос.

Я вздрогнул от неожиданности и нерешительно пошел на голос. Заглянув, я увидел маленькую слепую женщину, неподвижно лежавшую на спине. Лицо у нее было удивительно светлое и ласковое. Поздоровавшись, я спросил:

— Откуда вы знаете мое имя?

— Да как же мне не знать, — зазвучал ее слабый, но чистый голос. — Ты же меня кликал, и я за тебя Богу молилась, потому и знаю. Садись, гостем будешь!

Я долго сидел у Матронушки. Она мне рассказала, что заболела в детстве тяжелой болезнью, после которой перестала расти и двигаться. Потом мы заговорили с Матронушкой о цели жизни, о вере, о Боге. Слушая, я поражался мудрости ее суждений, знанию святых отцов, ее глубокому проникновению и понял, что передо мной лежит не просто больная женщина, а большой перед Богом человек. О себе Матронушка сказала, что ее скоро увезут в Москву, и попросила:

— Когда настанет время, что ты будешь стоять перед престолом Божиим, поминай меня.

Мне не хотелось уходить от Матронушки, и я дал себе слово навестить ее как можно скорее, но не пришлось. Вскоре ее увезли в Москву».

23 июня 1935 года был выписан ордер на арест семи человек — четырех священников, включая духовника блаженной Матроны, ее самой и двух женщин. Заместитель прокурора области распорядился допросить Матрону у нее дома.

28 июня на квартире священника, составителя жития блаженной Матроны, был произведен обыск и была обнаружена рукопись с ее житием. На допросе он показал:

«О существовании блаженной Матрешы Анемнясевской я слышал еще в дореволюционное время, но лично познакомился с ней при моем посещении ее квартиры в 1930 году. Когда я увидел, что она человек необыкновенный, сразу стал ее почитателем, и путем беседы с ней и с ее многочисленными почитателями я собрал о ее жизни и деятельности подробные сведения, на основании которых и составил ее жизнеописание. После этого я у блаженной Матрешы был три раза...

Почитателями блаженной Матрешы являются почти все верующие города Касимова и его окрестностей и даже отдаленных областей и краев Советского Союза, которые ежедневно массами посещают ее квартиру за получением утешения в тяжелой жизни, и все верующие находят поддержку и утешение, а также обращаются с разными жизненными вопросами, на которые она дает соответствующие ответы, так что верующие окрестных селений ничего не начинают делать без ее совета и благословения».

В тот же день была допрошена Мария Ивановна Путилина, которая сказала, что она действительно ходила к блаженной Матроне, «чтобы послушать ее мудрых советов, вместе с ней помолиться, почитать ей религиозные книги».

На следующий день в доме, где жила Матрона, был произведен обыск. Кроме хозяйки, в доме находилась дальняя родственница блаженной, Дарья Шубина.

Пришедшими были оперуполномоченный Секретного отделения отдела НКВД и два начальника районных отделов НКВД — Касимовского и Бельковского, а также живший по соседству с Матроной Федин, который был приглашен на допрос в качестве понятого.

Первой была допрошена Дарья Шубина, она показала: «Блаженная Матреша Белякова среди крестьян пользуется широким авторитетом блаженной, прозорливой и даже святой, поэтому к ней ежедневно приходило много посетителей, которые обращались к ней с разными вопросами, просили ее советов и благословения... в моем присутствии неизвестные для меня женщины обращались к блаженной Матреше с вопросом, вступать ли им в колхоз, на что она отвечала, что в колхоз вступать грешно, так как колхозники не имеют права ходить в церковь, и поэтому сами тоже будут безбожниками. Был и такой случай, что одна женщина жаловалась Матреше, что в колхозе трудно и голодно, на что блаженная Матреша сказала: если в колхозе трудно, то выходите, вас никто держать не будет, выйдете из колхоза и будете сами себе хозяева. Некоторым женщинам, жалующимся на тяжелую жизнь, Матреша говорила: сами виноваты, что прогневали Бога, и вот теперь мучаетесь, опомнитесь, покайтесь, ходите в церковь и будете хорошо жить, как раньше».

После допроса Дарья была освобождена. Затем следователи допросили блаженную Матрону.

— С какого времени вас навещают верующие и за кого они вас почитают? — спросил ее следователь.

— Лет пятьдесят тому назад, когда мне исполнилось двадцать лет... ко мне на квартиру стали приходять

верующие люди посмотреть меня. С течением времени количество посетителей... заметно увеличилось, и уже организовалось систематическое паломничество моих почитателей ко мне на квартиру, среди которых я стала пользоваться авторитетом блаженной и прозорливицы, и ко мне ежедневно приходили... как из окрестных селений, так и из города Касимова, других районов Московской области... и других областей... Благодаря приносимым... подаяниям я на эти средства и существую и даже иногда имею возможность оказать помощь бедным людям. В числе ежедневных посетителей меня навещали монахи, монахини и нищие... которые иногда останавливались у нас переночевать.

— Скажите, по каким вопросам и за какими советами обращались к вам верующие и что вы им говорили? — спросил блаженную следователь.

— Ко мне... обращалось множество народа с разными вопросами, главным образом по бытовым вопросам, на которые я давала соответствующие ответы. Спрашивали меня также о том... вступать ли в колхоз и тому подобное, но на это я отвечала, что не знаю, вы зрячие и вам виднее, как поступать.

— Были ли в вашей квартире богослужения, когда и кто их совершал?

— Богослужения у меня в квартире бывают только в большие религиозные праздники, Пасху и Рождество, когда наш священник обходит всю деревню и у всех совершает молебны. Я также приходившим навестить меня посетителям читаю акафисты и молитвы. В предъявленном мне обвинении виновной себя не признаю. Действительно, меня ежедневно посещает

многочисленное количество моих почитателей, но я их не приглашала и против советской власти ничего не говорила.

Блаженная Матрона была слепой и не могла прочесть то, что записал следователь, а только услышать, что он ей зачитает, не могла она и расписаться, и потому подтвердил то, что запись сделана с ее слов, ее сосед Федин.

По окончании допроса блаженной было предъявлено обвинение в том, что она, «выдавая себя верующим за блаженную и прозорливую, организовала у себя на квартире в деревне Анемнясево массовый прием верующих — своих почитателей, которых обрабатывала в антисоветском духе». Затем ей было зачитано обязательство, что она до окончания следствия и суда не будет никуда отлучаться без разрешения органов НКВД и будет проживать в деревне Анемнясево, чтобы явиться по вызову судебных и следственных властей туда, куда они укажут, а за неисполнение будет отвечать по всей строгости закона.

В этот же день был допрошен и Федин; его показания явились основанием для арестов людей, давших приют блаженной Матроне. «Матреша Белякова — девушка... лежит в кровати с семи-восьми лет, — показал он. — Все ее считают блаженной, прозорливой... К ней очень много и ежедневно приходят паломники с разными просьбами... По ночам устраивают богослужения и моления. Матреша насчет колхозов входящим к ней паломникам говорит, что колхозы — это антихристовы гнезда. Женщины, побывав у нее, верят в нее... как в святую и после проводят антиколхозную

агитацию. Я лично не раз видел и ловил людей, которые к ней приходили ночью, так как живу с ее домом по соседству.

Организаторами... паломничества и приемов людей занимаются Белякова Ирина Федоровна — племянница Матрешы... и ее сын — Беляков Алексей Матвеевич. Я считаю, что ее дом... есть очаг распространения разного рода контрреволюционных слухов и агитаций. Все паломники всегда, как правило, приносят для Матрешы помногу подарков, в результате чего не только племянница, у которой она живет, сильно разбогатела, но и другие родственники. Я лично интересовался людьми, кто бывал у Матрешы, и все, кого бы я ни спрашивал, происходят из кулацкой семьи — или выслали мужа, или раскулачили. Все эти люди ходили к Матреше за советом. Паломничество к Матреше усилилось особенно за последние два-три года».

30 июня был допрошен сын Ирины Федоровны — Алексей, который, отвечая на вопросы следователя, сказал, что «Матрену, действительно, верующие считают за блаженную и... святую, поэтому... с дореволюционного времени к ней приходило множество посетителей из разных мест... Некоторые приходят посетить ее как больную, некоторые за советом по разным вопросам, а отдельные посетители просят исцелить их от болезней, [им]... она дает святую воду».

Вслед за ним была допрошена его мать — Ирина Федоровна, которая, как и ее сын, показала, что к блаженной еще «с дореволюционного времени приходило много посетителей из разных окрестных и даже отдаленных селений и городов, которые обращались к ней

за разными советами». Сразу же после допроса мать и сын были арестованы как соучастники блаженной Матроны.

5 июля 1935 года в Анемнясево состоялось заседание актива правления колхоза; на повестку дня был поставлен единственный вопрос — о выселении блаженной Матроны из деревни, где она родилась и прожила безвыездно более семидесяти лет.

Председатель колхоза заявил, что «Матреша тормозит дело коллективизации». Члены актива, согласившись с этим странным заявлением, вынесли постановление: «Считать необходимой изоляцию Матрешы от окружающего населения и провести разъяснительную работу среди населения, в особенности среди женщин, для того чтобы вокруг этого вопроса [не было] нехороших последствий».

На следующий день председатель Анемнясевского сельсовета и председатель колхоза направили начальнику районного отдела НКВД заявление, в котором просили «немедленно изъять гражданку Белякову Матрешу из пределов деревни Анемнясево как вредный элемент», в качестве аргумента выставляя то, что «данная гражданка... своей святостью влияет на темную массу отстающего населения не только деревни Анемнясево, но и на всю округу».

28 июля 1935 года дело было закончено. Блаженная Матрона обвинялась в том, что, «пользуясь среди верующих авторитетом “блаженной прозорливицы”, принимала громадное количество своих почитателей, среди которых проводила антисоветскую и антиколхозную агитацию».

Хозяйка дома, где жила блаженная, обвинялась в том, что, «являясь участницей контрреволюционной группировки, производила прием многочисленных почитателей “блаженной Матрешы”, среди которых последняя проводила систематическую антисоветскую и антиколхозную агитацию», а ее сын — в том, что «принимал участие в приеме многочисленных почитателей “блаженной Матрешы”».

2 августа 1935 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило некоторых из арестованных по делу блаженной Матроны к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, включая и сына племянницы блаженной Алексея Белякова; его мать, Ирина Федоровна, была приговорена к пяти годам ссылки в Красноярский край, сама блаженная Матрона — к принудительному лечению.

Вскоре после приговора к дому, где жила блаженная, подъехала машина, чтобы увезти ее. Отовсюду к дому стал сходить народ, и перед ним собралась внушительная толпа.

— Идите отсюда! Идите! А то и вас всех на машину посадим и увезем вместе с ней! — пригрозил собравшимся председатель колхоза.

Народ, однако, не расходился. Председатель вошел в дом, прошел в комнату, где лежала блаженная, и, подняв ее с дощатой кровати, стал выносить. Остановившись в дверях, он с удивлением сказал:

— Какая же ты легонькая!

— Такие-то у тебя дети будут легонькие! — ответила на это Матрона.

Народ, стоявший вокруг, оцепенел от нелепости происходящего. Блаженную Матрону увезли, а вскоре люди заметили, что двое сыновей председателя перестали расти.

8 сентября 1935 года блаженная Матрона была привезена в дом инвалидов-хроников имени 1 Мая, находившийся в деревне Хотяжи Звенигородского района Московской области. Это был небольшой дом инвалидов общего типа, рассчитанный на семьдесят пять человек, с персоналом служащих в девять человек — одна медсестра, две санитарки и шесть человек, занимавшихся хозяйством.

Место нахождения блаженной Матроны стало вскоре известно. В начале 1936 года уроженка деревни Полухтино, находящейся неподалеку от деревни Анемнясево, Анна Харитоновна стала хлопотать, чтобы ей разрешили взять блаженную Матрону на поруки. Она обошла жителей деревни Анемнясево с текстом письменного ходатайства о ее освобождении. Многие тогда подписались под ним, подписались даже два комсомольца. Заявление с просьбой освободить Матрону Анна передала заведующему Московским отделом социального обеспечения Лазареву.

В самом начале марта 1936 года в дом инвалидов-хроников был назначен новый директор, Петр Кольцов. Передавая ему дела и совершая вместе с ним обход всех помещений дома, инспектор райсобеса Звенигородского района Наталья Гуськова особо обратила его внимание на блаженную Матрону, сказав, что та находится под надзором НКВД, к ней не разрешено никого пускать, а также не разрешается ей что-либо

передавать, всех, кто к ней будет приходить, следует тут же направлять в НКВД. «Заведующий Московским отделом социального обеспечения предлагал отдать ее родственникам, но я при отсутствии распоряжения из НКВД отказалась это сделать», — добавила она.

4 марта 1936 года новый директор дома инвалидов Петр Кольцов и инспектор райсобеса Звенигородского района Наталья Гуськова пришли на прием к заведующему Московским отделом социального обеспечения Лазареву, который начал разговор с того, что предложил директору отдать Матрону Белякову родственникам. Гуськова на это категорически возразила, заявив, что этого делать нельзя, так как она предупреждена органами НКВД, чтобы к Беляковой никого не пускали.

«У нас дом в Хотяжах не закрытого типа, Белякову надо отдать, держать ее не наше дело, пусть НКВД объясняется со мной, а мои распоряжения надо безоговорочно выполнять», — категорично заявил Лазарев.

После посещения заведующего Наталья Гуськова заметила новому директору: что бы там ни говорило начальство, а не следует отдавать Белякову без разрешения НКВД.

28 марта заведующий Лазарев отдал распоряжение директору дома инвалидов Кольцову: «Сдать гражданку Белякову под расписку гражданке Харитоновой».

Узнав о получении разрешения, Анна уговорила жившую в Москве Вассу Самылкину, уроженку той же, что и она, деревни Полухтино, временно поместить блаженную Матрону к себе в московскую квартиру, на что та с радостью согласилась.

30 марта Анна и Васса отправились в дом инвалидов-хроников, и Анна под расписку «приняла инвалидку Белякову». Знакомый Анны Василий Хомяков, работавший в доме хроников счетоводом, раздобыл лошадь с телегой и довез блаженную Матрону, Анну и Вассу до железнодорожной станции. В тот же день они уже были в Москве. Блаженную поселили в доме в Большом Казенном переулке, неподалеку от Курского вокзала. Анна предполагала после окончания весенней распутицы перевезти блаженную к себе в дом в деревню Полухтино.

Столкнувшись на следующий день с инспектором райсобеса Гуськовой, директор сообщил, что отдал Матрону Белякову родственникам. «По чьему распоряжению вы отдали и было ли разрешение НКВД?» — с раздражением спросила Гуськова. «Никакого распоряжения из НКВД не было, а было распоряжение от моего собственного начальника», — ответил Кольцов. «Вам за это придется ответить», — сказала она. «Я подчиняюсь своему начальнику, по его распоряжению и отдал», — повторил тот невозмутимо. Гуськова сообщила о происшедшем в районный отдел НКВД, который потребовал к себе директора дома инвалидов, но тот не явился, хотя его вызывали несколько раз. Он не считал себя подотчетным НКВД и ни на какие вызовы не реагировал. Тогда его вызвали в районный комитет ВКП(б), чтобы там встретиться с ним. Но на тот момент Кольцов был исключен из партии и, будучи беспартийным, послал вместо себя счетовода Василия Хомякова.

Районный отдел НКВД по заявлению Гуськовой приступил к формальному следствию. 8 апреля на допрос

была вызвана Наталья Гуськова, 10 апреля — Петр Кольцов и Василий Хомяков.

Приехав в Полухтино, Анна сообщила верующим, в том числе и анемнясевским, где поселилась блаженная Матрона, и к той началось настоящее паломничество. Иные успели за короткое время приехать к блаженной по нескольку раз. Хозяйка квартиры также не скрывала, что у нее живет блаженная Матрона, и, привлеченные рассказами о ее подвигах и прозорливости, стали приходить и те, кто не знал ее раньше. Причащать блаженную возили на саночках в ближайший храм — Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе.

В середине апреля Дарья Шубина, жившая в деревне Корякино, посетила в Полухтине Анну Харитонову и попросила, чтобы та, когда будут перевозить блаженную Матрону, завезла ее к ней погостить, хотя бы на время. 5 мая Дарья получила телеграмму: «Выехали, встречай, выезжай в Туму». Дарья наняла крестьянина с лошадью, жителя деревни Корякино, и вечером Анна и Василий Харитоновы, Дарья Шубина и блаженная Матрона прибыли в Корякино. Дарья поместила блаженную в своем доме, а Харитоновы ушли к себе в деревню Полухтино.

В храме великомученицы Параскевы в Шеянках после ареста отца Александра Орлова служил иеромонах Валентин (Ракитин). К нему 7 мая около 4 часов утра пришла незнакомая женщина и попросила причастить остановившуюся в доме Дарьи Шубиной блаженную Матрону. Исповедав и причастив блаженную, иеромонах Валентин порекомендовал Дарье зарегистрировать ее как вновь прибывшую в сельсовете.

Все это время сотрудники НКВД продолжали расследование обстоятельств исчезновения блаженной и поиск ее местонахождения. На расписке при освобождении блаженной из дома инвалидов Анна Харитонова указала свой московский адрес, по которому ее и разыскали. 9 мая она была арестована и допрошена. Анна сообщила, что блаженная была перевезена ею к Вассе Самылкиной в Большой Казенный переулок, но где блаженная находится сейчас, она говорить не хочет. На следующий день сотрудник НКВД допросил ее сестру Александру Харитонову. Та показала, что ее сестра Анна увезла блаженную 5 мая в деревню Полухтино, намереваясь поместить ее в доме брата, Василия Харитонова. Допрошенная в тот же день Васса Самылкина подтвердила, что блаженную увезли в деревню Полухтино Бельковского района, сообщив, что она сама провожала блаженную, помогая ее нести.

13 мая в 8 часов вечера в Бельковском районном отделении НКВД был допрошен Василий Харитонов, который на вопросы о местонахождении блаженной «категорически заявил, что отвечать на вопросы и вообще давать показания... не будет, и... ни на один вопрос по существу дела не ответил».

Узнав об аресте Анны, Дарья Шубина, опасаясь, что и ее могут также арестовать, вечером 13 мая направилась к жительнице той же деревни Анастасии Дубасовой и попросила ее временно принять блаженную у себя и этой же ночью перенесла блаженную к ней. Сотрудники НКВД тем временем продолжали искать блаженную. Был допрошен иеромонах Валентин (Ракитин), который сообщил, что причащал блаженную Матрону

7 мая в доме Дарьи Шубиной. Сотрудники НКВД направились к Шубиной и допросили ее, спрашивая, причащал ли в ее доме блаженную Матрону иеромонах Валентин и получала ли она телеграмму из Москвы о встрече Матроны, и наконец спросили: «Скажите, какой период времени в мае 1936 года проживала в вашем доме гражданка Белякова Матрена, и укажите адрес ее настоящего местонахождения?» «Гражданка Белякова Матрена в мае 1936 года у меня в доме не жила, и где она находится в настоящее время, неизвестно», — ответила Дарья.

После допроса ей была устроена очная ставка с иеромонахом Валентином, который рассказал, что причащал 7 мая блаженную Матрону в ее доме, после чего Дарья Шубина в подробностях рассказала, как к ней попала блаженная и к кому она ее затем перенесла.

В сумерках в окно дома, где жила Анастасия Дубасова, постучалась незнакомая женщина и предупредила хозяйку, что блаженную Матрону ищет милиция. Услышав это, блаженная попросила, чтобы ее вынесли на огород, что и было сделано Анастасией.

Около полуночи в дом Анастасии пришли с обыском начальник 7-го отделения СПО УГБ, начальник

Блаженная Матрона Анемняевская,
исповедница

Часовня во имя блаженной Матроны Анемнясевской, исповедницы, на территории храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине

Бельковского районного управления НКВД, прокурор по Бельковскому району и председатель сельсовета. Они нашли блаженную Матрону лежащей на земле на огороде. Был составлен акт, что 14 мая 1936 года в полночь на огороде около надворных построек, принадлежащих гражданке деревни Корякино Анастасии Дубасовой, была обнаружена гражданка

Белякова Матрена Григорьевна, которая, будучи инвалидом, не имею-

щим возможности передвигаться, лежала на земле. По словам хозяйки, Белякова была вынесена ею на огороды из боязни, что та будет обнаружена и арестована.

На этот раз сотрудники НКВД поместили блаженную в находившийся неподалеку от Москвы дом инвалидов-хроников имени Радищева. Этот дом инвалидов был значительно хуже по условиям содержания в нем. Он был рассчитан на шестьсот пятьдесят восемь человек, а на практике больных было больше, половина — старше шестидесяти лет, иные очень преклонного возраста. Условия жизни в таких инвалидных домах в те годы были суровы. Вследствие недостатка

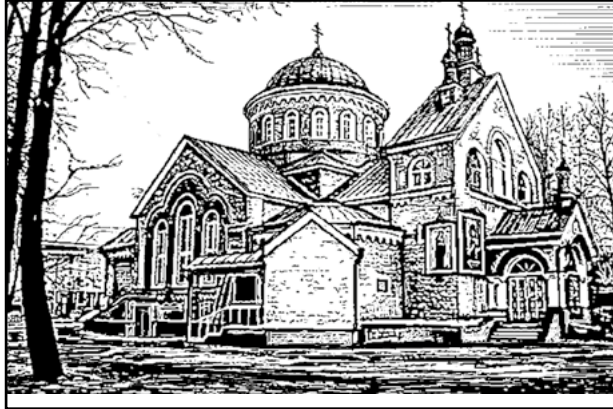
мест — скученность, в некоторых палатах женщины помещались вместе с мужчинами, тяжелобольные — вместе с остальными, верхняя одежда висела над кроватями, а под кроватями стояли сундуки со скарбом. Столовая иногда являлась и кабинетом врача, и канцелярией, и местом хранения белья, и местом чистки картофеля. Питание инвалиды в те годы получали минимальное, однообразное, лишённое жиров, с недостатком хлеба. Белье было изношено до последней степени и в заплатках. Медицинский персонал недостаточно квалифицирован, а младший — абсолютно неграмотен. Бывали случаи заболеваний туберкулезом не только среди инвалидов, но и среди медицинского персонала. В некоторых палатах отсутствовали форточки и вместо дверных ручек были шнуры.

2 июля 1936 года Василий и Анна Харитоновы и Дарья Шубина были приговорены к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 4 августа 1936 года Васса Самылкина и ее дети Григорий и Зинаида, как «социально опасные элементы» были приговорены к высылке из Москвы с «лишением права проживания в режимных пунктах сроком на три года».

Блаженная Матрона скончалась 29 июля 1936 года в доме инвалидов-хроников имени Радищева и была погребена на Владыкинском кладбище под Москвой.

Блаженная Матрона прославлена на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 года. Память блаженной Матроны, исповедницы, совершается 16/29 июля, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

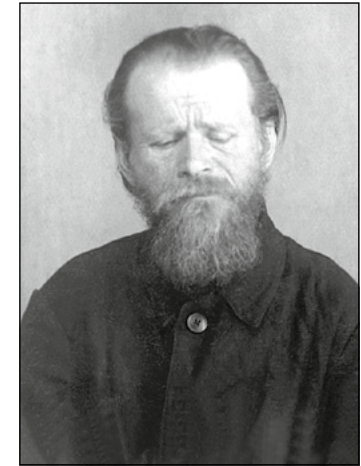

**Храм мучеников Адриана и Наталии
в Бабушкине**

**Священномученик
Владимир Моринский, пресвитер**

Священномученик Владимир родился 24 июня 1883 года в Санкт-Петербурге в семье певчего Александра Моринского. Мальчик рано осиротел, был отдан на воспитание в патронажный частный церковный хор. В 1903 году вместе с церковным хором Владимир переехал в Москву, пел в московских храмах. В 1912 году получил место учителя пения в городе Клину Московской губернии, одновременно в течение полугода был регентом соборного хора. Затем переехал в село Спас-Квашонки Калязинского уезда Тверской губернии. Там преподавал пение в местной школе,

возглавлял церковный хор. В 1916 году Владимир Моринский был призван в армию, служил рядовым в 238-м запасном стрелковом пехотном полку в Орле. В 1917 году вернулся в Москву, преподавал пение в школах. С 1924 года работал в различных советских учреждениях, пел в церковном хоре и готовился к принятию священного сана. Владимир Александрович и его супруга не имели детей и взяли на воспитание мальчика-сироту.

Священник
Владимир Моринский.
Бутырская тюрьма. 1935 г.

27 июля 1934 года Владимир Моринский был рукоположен во диакона, в августе — во священника к храму мучеников Адриана и Наталии в городе Лосиноостровске под Москвой (ныне в черте Москвы). Ревностно исполнял обязанности пастыря, вскоре стал известен как усердный молитвенник и подвижник. Позднее на следствии по делу отца Владимира свидетели рассказывали, что по молитвам священника происходили исцеления.

1 апреля 1935 года Владимир Моринский был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, обвинен в том, что «систематически проводил антисоветскую агитацию, занимался кликушеством, распространял провокационные слухи о гонении на Православную Церковь в СССР». Священник с обвинением не согласился. 8 июня Особое совещание при НКВД СССР пригово-

Священномученик Владимир Моринский, пресвитер

рило священномученика к трем годам ИТЛ. Он отбывал срок в Бурминском отделении Карагандинского лагеря, где работал заведующим фуражным складом.

1 сентября 1937 года отец Владимир был арестован в лагере в ходе следствия по групповому делу епископа-священномученика Дамаскина (Цедрика), обвинен в том, что, «будучи заключенным и отбывая нака-

зание в Карлаге НКВД... продолжал свою контрреволюционную деятельность, выражавшуюся в том, что собирались... Цедрик, Моринский и Лилов и устраивали пение молитв в здании почтовой экспедиции, с Горячевым неоднократно устраивали чтение вечерних молитв, а также убеждали заключенного не отказываться от священного сана». Виновным в контрреволюционной деятельности священник себя не признал. Расстрелян 15 сентября 1937 года по постановлению тройки УНКВД по Карагандинской области от 10 сентября в один день со священномучениками епископом Дамаскиным (Цедриком), протоиереем Евфимием Горячевым и другими.

Священник Владимир Моринский прославлен на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви

2000 года. Память священномученика Владимира совершается 2/15 сентября, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Священномученик Григорий Самарин, диакон

Священномученик Григорий родился 9 января 1893 года в селе Салмановка Наровчатовского уезда Пензенской губернии в семье крестьянина Василия Самарина. В 1914 году, после окончания Пензенского духовного училища, он был назначен псаломщиком в церковь во имя Архангела Михаила, причт которой духовно окормлял военнослужащих 11-го Туркестанского стрелкового полка в городе Керки Закаспийской области. В 1914 году началась Первая мировая война, и Григорий был призван в армию и служил до 1918 года рядовым. В 1919 году он был назначен псаломщиком в Покровскую церковь села Высокого Чимкентского уезда Сырдарьинской области и 9 февраля 1920 года рукоположен во диакона. 27 сентября 1922 года он был назначен диаконом к Иосифо-Георгиевской церкви в городе Ташкенте. С 3 августа 1923 года диакон Григорий стал служить в храме Архангела Михаила в родном селе Салмановка; 9 мая 1925 года он был переведен в Вознесенскую церковь в город Спасск Пензенской губернии.

9 июля 1931 года диакон Григорий был назначен служить в церковь святых мучеников Адриана и Ната-

Диакон Григорий Самарин с семьей

лии в городе Лосино-островске Московской области. 26 августа 1933 года он был награжден двойным орденом. 20 апреля 1935 года отец Григорий был переведен в Петропавловский собор в город Коломну, где прослужил до кровавых гонений 1937 года.

«Коломенским районным отделом Управления НКВД по Московской области, — писали сотрудники НКВД, — вскрыта и

ликвидируется контрреволюционная церковно-монархическая организация... В своем составе контрреволюционная церковно-монархическая организация насчитывает до пятидесяти человек — из числа духовенства, «бывших» людей, кулаков раскулаченных и активных церковников».

10 августа 1937 года среди других был арестован и заключен сначала в коломенскую, а затем в Таганскую тюрьму в Москве и диакон Григорий Самарин.

Против него подписались под протоколами допросов свидетели, иные не читая их, как священник Петропавловского собора, в котором служил диакон, благочинный церквей города Коломны; он показал, будто бы диакон

Григорий говорил, что «коммунизм есть общность даже и жен, большевики из русского народа хотят сделать безвольного раба, который бы им беспрекословно во всем подчинялся и исполнял их прихоти. Большевики затягивают петлю на шее русского народа, но как бы они не просчитались и не попали в нее сами».

Допросы в Коломенском отделении НКВД были в то время круглосуточными. Следователи беспрестанно заполняли те или иные протоколы допросов; дежуря поочередно, они непрерывно требовали от арестованных поставить подпись под лжесвидетельствами. Некоторые из арестованных тогда в Коломне подписали лжесвидетельства против себя и других, иные отказались.

Диакон Григорий был допрошен сразу же после ареста.

— Вы арестованы как участник контрреволюционной организации. Вы подтверждаете это?

— Нет, участником контрреволюционной организации я не являюсь.

— Вы лжете перед следствием, следствие располагает материалами, изобличающими вас в участии в контрреволюционной церковно-монархической организации. Требую от вас правдивых показаний по этому вопросу! — заявил следователь.

Диакон Григорий Самарин

Фотография
из следственного дела диакона
Григория Самарина.
Москва, Таганская тюрьма.
1937 г.

— Я подтверждаю свой предыдущий ответ. Участником контрреволюционной церковно-монархической организации я не являюсь! — решительно возразил диакон.

Следователь стал зачитывать диакону показания лжесвидетелей, но отец Григорий все их отверг. Затем начался круглосуточный допрос со сменой следователей, и 29 августа был составлен очередной протокол допроса.

— На протяжении нескольких дней вы упорно продолжаете скрывать от следствия свое участие в контрреволюционной церковно-монархической организации. Требую прекратить ваше запирательство и приступить к исчерпывающим показаниям, — заявил следователь.

— Я дал показания и считаю их исчерпывающими и больше показать ничего не могу и виновным себя... не признаю.

5 сентября диакон Григорий был допрошен в последний раз.

— Вы обвиняетесь как участник контрреволюционной группировки. Требуем от вас показаний.

— Я ни в какой контрреволюционной организации не состоял и антисоветской деятельности не вел.

Этим допросом следствие было закончено. Большинство тех, кто подписал протоколы со лжесвидетельствами

«Сей крест поставлен в память о новомучениках и исповедниках Церкви Русской и о всех пострадавших в годину гонений за веру Христову» в ограде храма мучеников Адриана и Наталии в Бабушкине

против себя, были приговорены к расстрелу и расстреляны. 9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила диакона Григория к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен на Дальний Восток в Бамлаг.

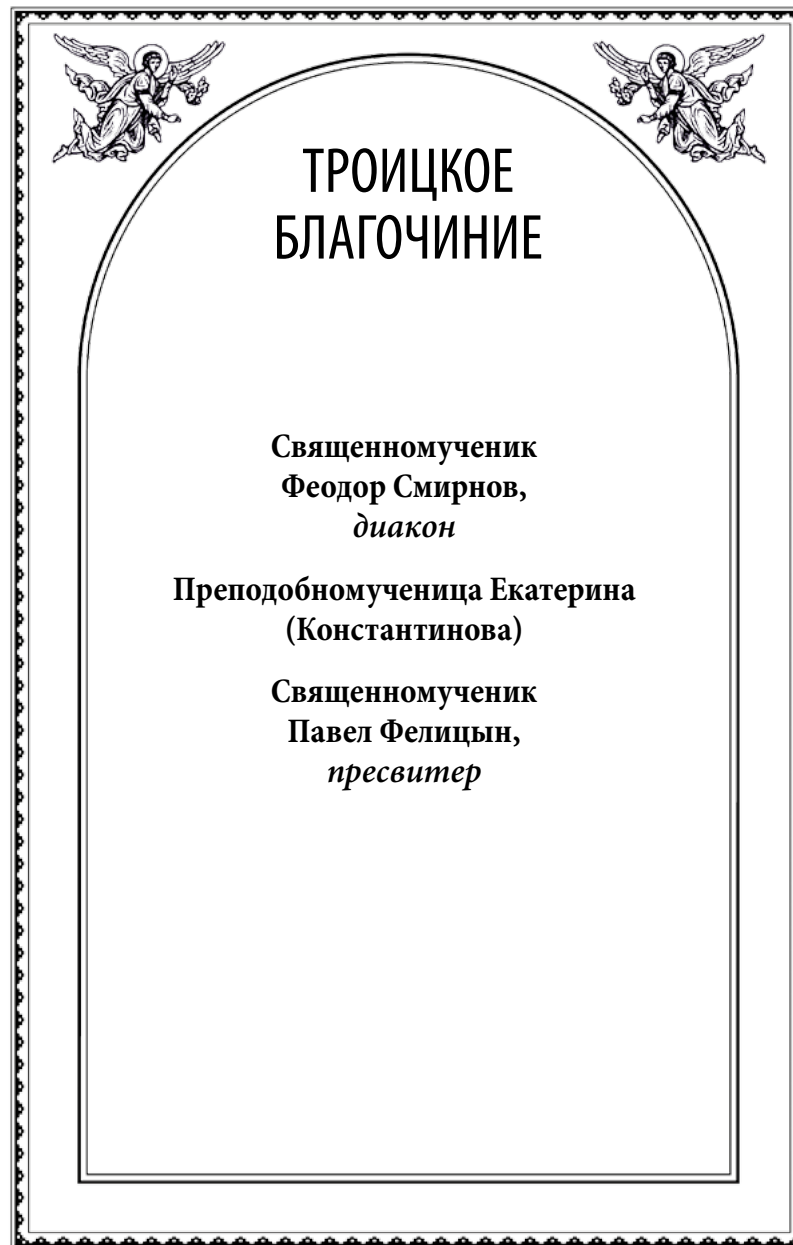
Диакон Григорий Самарин скончался в Бамлаге 11 июля 1940 года и был погребен в безвестной лагерной могиле.

Имя диакона Григория Самарина включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 7 октября 2002 года. Память священномученика Григория совершается 28 июня / 11 июля, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Священномученик
Григорий Самарин, диакон

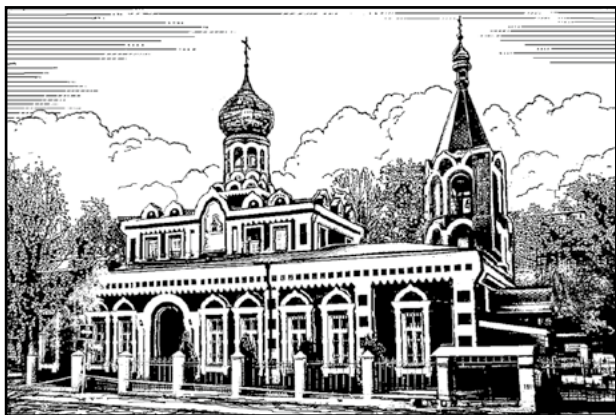

ТРОИЦКОЕ БЛАГОЧИНИЕ

Священномученик
Феодор Смирнов,
диакон

Преподобномученица Екатерина
(Константинова)

Священномученик
Павел Фелицын,
пресвитер

**Храм в честь иконы Божией Матери
«Нечаянная Радость» в Марьиной Роще**

**Священномученик
Феодор Смирнов, диакон**

Священномученик Феодор родился 5 апреля 1890 года в селе Раменье Волоколамского уезда Московской губернии¹⁷ в семье псаломщика Владимира Смирнова. В 1913 году Федор окончил три курса Вифанской духовной семинарии. Он женился на дочери священника Василия Ивановича Орлова Анне, брат которой, священник Сергей Орлов¹⁸, впоследствии мученически пострадал во время безбожных гонений. 5 апреля 1913 года Федор был определен диаконом к Воскресенской

¹⁷ Ныне Шаховской район Московской области.

¹⁸ Священномученик Сергей Орлов; память 8/21 декабря.

церкви села Раменье и вскоре после этого рукоположен; до 1917 года он был законоучителем в Михалевской и Воскресенской земских школах.

16 ноября 1917 года диакон Феодор был переведен в храм Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище в Москве. 28 октября 1920 года он был награжден двойным орадером. В 1932 году храм на Лазаревском кладбище был властями закрыт, и диакона Феодора перевели в храм в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще, где он прослужил до своего ареста. Много лет спустя сын диакона Феодора с большой любовью вспоминал об отце, которому он был много обязан приобщением к дому Божию. Несмотря на то, что воцерковление и своих детей было в то время небезопасным даже и для священнослужителей, отец Феодор в семь лет ввел сына в алтарь, где тот продолжал прислуживать и тогда, когда отец был арестован. Сын вспоминал, что благодаря именно отцу он пронес через всю тогдашнюю тяжелую жизнь радость познания Божией истины и очищающей душу благодати.

Диакон Феодор был арестован 10 декабря 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму. 15 декабря следователь допросил его:

— Ваше отношение к советской власти?

Семинарист Феодор Смирнов

— Мое отношение к советской власти лояльное, — ответил он.

— Вы говорите неправду, следствие располагает материалами, что вы антисоветски настроенный человек. Дайте правдивые показания.

— Я говорю правду.

— Вы говорите неправду, — продолжал настаивать следователь, — следствие располагает материалами, что вы среди окружающих распространяли контрреволюционные слухи о гонении на религию и духовенство в Советском Союзе, о насильственном закрытии церквей, а также вели контрреволюционную деятельность, направленную на срыв выборной кампании в Верховный Совет. Дайте правдивые показания.

— Вышеуказанной деятельностью я не занимался, — ответил диакон.

В качестве штатного свидетеля был вызван настоятель храма, где служил диакон Феодор, священник Аркадий Янковский, который дополнил своими показаниями следственный материал. Он показал, что диакон Феодор «среди окружающих вел антисоветскую агитацию, направленную на срыв выборов в Верховный Совет. В моем присутствии он заявлял: “Коммунисты хвалятся, что у них в стране самые демократичные выборы, — это неправда, в стране нет никаких демократичных выборов. Кандидатов в Верховный Совет выставила сама партия, а не народ. За этих кандидатов она будет насильно заставлять голосовать. Но я хорошо знаю, что на это многие не пойдут, они будут голосовать против этих кандидатур, а некоторые и совсем не пойдут на выборы”... Как-то меня на улице встретил Смирнов

и спросил: “Вы ничего не знаете?” Я удивленно спросил: “А что?” Тогда он мне рассказал такую вещь: “Вы посмотрите, что делается в Советском Союзе, — церкви все закрываются без согласия верующих. Верующие и духовенство подвергаются гонению. За то, что они верующие, их арестовывают и высылают в отдаленные места Советского Союза, где пытаются и морят голодом”».

Словно в подтверждение правоты всего того, что говорил свидетель, 20 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила диакона Феодора к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен в город Лесозаводск Приморского края, в 19-е отделение Бамлага, где встретился с голодом, непосильным каторжным трудом и нечеловеческими условиями содержания. Но мучителям и того было мало — в феврале 1938 года против духовенства и верующих, собранных в 145-й колонне концлагеря, было начато новое дело. Диакон Феодор только и успел послать из лагеря родным в Москву одно письмо и получить от них посылку, после чего всякая связь с ним прервалась. На допросах он виновным себя не признал.

31 марта 1938 года тройка НКВД приговорила тридцать одного заключенного лагеря к расстрелу и среди

Диакон Феодор Смирнов

них диакона Феодора, но о приговоре им не сообщили. Еще три месяца приговоренные к смерти продолжали работать. Диакон Феодор Смирнов был расстрелян 5 июля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле.

Имя диакона Феодора Смирнова включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 12 октября 2007 года. Память священномученика Феодора совершается 22 июня / 5 июля, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Преподобномученица Екатерина (Константинова)

Преподобномученица Екатерина родилась в 1887 году в деревне Саврасово Солнечногорской волости Клинского уезда Московской губернии в семье зажиточного крестьянина Григория Константинова, владельца столярной мастерской и чайной, при которой была мелочная лавка. В 1905 году Екатерина поступила послушницей в Скорбященский монастырь в Москве, находившийся на Долгоруковской улице недалеко от Бутырской заставы. Здесь она подвизалась до его закрытия в 1918 году, после чего вернулась на родину в деревню Саврасово. В 1919 году скончались ее сестра с мужем, а их трое маленьких детей остались сиротами; Екатерина взяла их к себе и воспитала. Все это время она хотя и жила вне стен обители, но продолжала

ла исполнять все монашеские правила и старалась как можно чаще бывать в храме. Зарабатывала она шитьем одеял и починкой мешков для колхоза.

Во время массовых гонений на Русскую Православную Церковь в арестах принимали участие не только сотрудники госбезопасности, но и сотрудники милиции. Все сотрудники Солнечногорского районного отделения милиции тогда во главе с начальником занялись арестами необходимого числа «врагов народа», не останавливаясь ни перед чем.

23 февраля 1938 года начальник отделения милиции сочинил справку, будто бы составленную на основании показаний свидетелей, что Екатерина Константинова говорила: «Вот опять бегают, какие-то нужны выборы, на что они нужны, есть у власти — пусть руководят до времени или боятся войны. Пересажали, теперь новых выбирать, так нечего выбирать, они уже выбраны и так жмут хорошо; вот вам плохо жилось при царской-то власти, вон ваши коммунистов-то как расстреливают, но и этим придет конец».

Константинова в своем доме вела разговор, «что коммунисты молодежи не дают никакого образования, что молодежь погибнет вся, как черви на капусте;

Послушница Екатерина
(Константинова)

отреклись от православной веры, когда же придет конец коммунистам...».

Почти сразу после написания этой справки сотрудники милиции арестовали послушницу и поместили в камеру предварительного заключения Солнечногорского отделения милиции. Заручившись им же составленными «показаниями свидетелей», следователь допросил Екатерину.

— Следствие располагает данными, что вы систематически вели контрреволюционную агитацию против коммунистической партии и советской власти, — заявил он.

— Виновной себя в контрреволюционной агитации не признаю, а между собой мы с монахинями своими мнениями делились, что хорошо было при царской власти и плохо при советской. Что именно мы говорили, я сейчас припомнить не могу, — ответила послушница.

На этом допросы были закончены, и 11 марта 1938 года тройка НКВД приговорила послушницу к расстрелу. Послушница Екатерина (Константинова) была расстреляна 20 марта 1938 года и погребена в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

В феврале 1940 года возникло расследование по поводу двух осужденных к десяти годам заключения людей. Стали вызываться свидетели, которые показали, что написанное в протоколах ими не говорилось, а если что и говорилось, то в протоколах записано искаженно. Были подняты другие дела, и из них выяснилось, что солнечногорские милиционеры почти во всех делах сфальсифицировали показания свидетелей, после

чего им не нужно было уже добиваться, чтобы сами обвиняемые признали свою «вину». Выдуманы были показания свидетелей и по делу послушницы Екатерины; когда это выяснилось, свидетели были передопрошены; один из них показал, что послушница Екатерина «в период советской власти... занималась стежкой одеял... чинила мешки для колхоза. Она была верующая и каждый праздник ходила... в церковь. Никакой контрреволюционной деятельности, никаких антисоветских разговоров я никогда от Константиновой не слышал». Другая свидетельница показала, что Екатерина Константинова «была верующая, часто ходила в церковь, но никогда я от нее не слышала никаких разговоров против колхозов или недовольства какими-либо мероприятиями советской власти... хотя приходилось в колхозе работать вместе с ней».

Расследование полностью подтвердило факты, что в результате деятельности сотрудников милиции Солнечногорского района одни арестованные были неправо

Священномученик Феодор Смирнов, диакон, и преподобномученица Екатерина (Константинова) с образом Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость»

расстреляны, а другие получили по десять лет заключения. Начальнику отделения милиции был объявлен выговор, два сотрудника были арестованы на двадцать суток и уволены, еще один сотрудник был уволен, а четвертому объявлен выговор.

Через два месяца Управление НКВД отменило это решение и признало приговор послушницы Екатерины (Константиновой) к расстрелу правильным.

Имя послушницы Екатерины (Константиновой) включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 12 марта 2002 года. Память преподобномученицы Екатерины совершается 7/20 марта, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской и в Соборе новомучеников, в Бутове пострадавших.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

**Храм в честь Положения Ризы Пресвятой
Богородицы во Влахерне в Леонове**

**Священномученик
Павел Фелицын, пресвитер**

Священномученик Павел родился в 1894 году в селе Карпове Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника Иоанна Фелицына. В 1910 году Павел окончил Дмитровское духовное училище, а в 1914 году — училище имени Шеллапутина в Москве и поступил псаломщиком в Воскресенскую церковь в селе Карпове. В 1915 году он был мобилизован в действующую армию и во время боев в 1916 году попал в плен. Вернувшись на Родину в 1918 году, он был назначен псаломщиком в Воскресенскую церковь.

Священномученик
Павел Фелицын, пресвитер

15 ноября 1920 года епископ Дмитровский Серафим (Звездинский) рукоположил Павла Ивановича во диакона к этой церкви. В 1923 году диакон Павел был хиротонисан во священника к Николаевской церкви в селе Горки Дмитровского уезда.

4 апреля 1931 года отец Павел был переведен в Москву в храм Ризоположения в Леонове и поселился у Александры Ивановны Смирновой,

муж которой, священник Владимир Смирнов, служил в Леонове до своей кончины в 1929 году. Дом принадлежал церкви, и здесь жил весь причт храма Ризоположения.

Отец Павел был арестован во время кровавых гонений на Русскую Православную Церковь 15 ноября 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Спустя десять дней Александра Ивановна, вернувшись с работы, застала у себя в доме ожидавших ее сотрудников НКВД. Они предъявили ей ордер на обыск, затем прошли по комнатам, пересмотрели вещи в комод, достали пластинки и патефон и завели его. Для сотрудников НКВД обыск был развлечением, и они стали требовать от Александры Ивановны и ее дочери, чтобы

те поиграли им на фисгармонии. Дочь категорически отказалась, а Александра Ивановна, уступая насилию, немного поиграла. Сотрудники НКВД попросили, чтобы она подписала бумагу, что у нее нет к ним претензий, и предложили проследовать за ними. На вопросы зачем и куда один из них ответил: «Вы нам нужны для кое-каких сведений. Через час вы будете дома».

В районном отделении НКВД сотрудник попросил Александру Ивановну назвать свои анкетные данные, а затем сказал: «У нас есть сведения, что у вас в доме проходят собрания контрреволюционного характера, следствием этих собраний стала агитация против выборов в Верховный Совет». Услышав навет, Александра Ивановна с возмущением его отвергла. Тогда следователь, заполнив протокол допроса, сказал: «Вы не волнуйтесь, значит, донесли на вас. Дело будет разбираться у следователя, будут вызваны свидетели, и все выяснится». Александру Ивановну перевели в тюрьму в Москве и больше уже на допросы не вызывали. Вернулась она домой с каторги лишь через восемь лет.

Священник Павел Фелицын был арестован вместе с другими священниками и мирянами, жившими в Леонове. Один из них, священник Александр Кедров, живший в Леонове, но служивший в обновленческой церкви на Пятницком кладбище, показал: «Я служу священником с 1919 года, раньше был тихоновской ориентации, а сейчас, с 1935 года, стал постепенно отходить от тихоновцев, но Фелицын является убежденным тихоновцем и проявляет большую злобу к советской власти».

Храм в честь Положения Ризы
Пресвятой Богородицы
во Влахерне в Леонове

23 ноября 1937 года следователь допросил отца Павла.

— К Церкви какого направления вы принадлежите? — спросил он.

— Я принадлежу к тихоновской Церкви, — ответил священник.

— Следствию известно, что вы на квартире встречались... и проводили контрреволюционную агитацию... Признаете, что это было? Так или нет?

— Нет, этого не было, ибо таких встреч на квар-

тире и где бы то ни было не было, кроме как встреч мимоходом, и никакой контрреволюционной агитации против советской власти я не проводил.

По завершении следствия 5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Павла к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Священник Павел Фелицын скончался в заключении 17 января 1941 года и был погребен в безвестной могиле.

Имя священника Павла Фелицына включено в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 17 июля 2001 года. Память священномученика Павла совершается 4/17 января, а также в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Недалеко от нас то время, когда, проходя по Москве, мы видели обезглавленные церковные здания, в которых размещались различные учреждения. Что произошло с этими храмами? Почему они были закрыты и в них не проводились богослужения? Казалось, церковная жизнь ушла из них навсегда и уже не возвратится. Но настали другие времена, и закрытые храмы начали возвращать Церкви, возобновились богослужения. Вновь вознеслись ввысь кресты куполов, колоколен. Город, как и прежде, украшают прекрасные храмы, ожила православная жизнь.

Во вновь образованных церковных общинах возникал интерес к тем людям, которые раньше служили и молились в этих храмах. Какая участь их постигла? Ведь до октябрьского переворота 1917 года в России было 100 млн православных верующих; около 30 тысяч монашествующих; численность белого духовенства, включая псаломщиков, приближалась к 120 тысячам; насчитывалось 179 архиереев; действовало 54 174 храма и 1025 монастырей.

А перед началом Великой Отечественной войны на свободе оставалось только 4 архиерея, насчитывалось 6376 священнослужителей, не было ни одного действующего монастыря (с присоединением западных территорий их стало 46), открытым оставался всего 3021 храм (большинство из этих церквей находилось на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 годах).

Как же удалось сохранить духовную связь поколений, не дать прерваться православной традиции? Для современных верующих представляет интерес, как вели себя их предшественники во время гонений на Православную Церковь, превзошедших своей жестокостью и количеством

мучеников эпоху первохристианства. Суды без следствия, устраиваемые захватившими власть большевиками над священнослужителями, насильственное изъятие церковных ценностей под предлогом помощи голодающим, закрытие и разрушение храмов и монастырей — все это говорит о том, что новая власть задалась целью полностью уничтожить Православие в России. Но Церковь Христова выжила благодаря людям, которым посвящена эта книга, — новомученикам и исповедникам Церкви Русской.

Во время Великой Отечественной войны люди вновь обратились к Богу. Советские солдаты и даже командиры шли в бой с нателными крестиками под военной формой и с молитвой в сердце. В середине войны стали открывать храмы, освобождать из заключения священнослужителей. И Господь даровал нашей стране Победу в этой страшной войне. Однако прошло небольшое время после войны — и поднялась новая волна гонений на Церковь, теперь уже хрущевских. И вновь для служителей Церкви и ее чад наступили времена если не мученичества, то исповедничества.

Для нас, живущих в XXI веке, подвиг новомучеников имеет определяющее значение. Мы должны быть готовы к любым испытаниям, чтобы не дрогнуть, если начнутся новые гонения. Священники, диаконы, псаломщики, прихожане, жившие во времена Русской голгофы, были такими же людьми, как и мы сегодня: они так же работали, молились, растили детей. Они не творили чудес, но при наступлении гонений остались непоколебимыми в вере, не предали Христа. Сегодня, в наше благоприятное время, мы должны делать для Церкви все возможное, привести как можно больше людей в храм Божий. Мы должны понимать, что революционная ситуация столетие назад возникла не на пустом месте, ей предшествовали и многие неразрешенные духовные вопросы.

В конце XX — начале XXI века наступил расцвет православной жизни, но нам нельзя расслабляться. Гонения на Церковь никогда не прекращаются, бывают лишь периоды их ослабления, и об этом надо помнить.

Сейчас стоит вопрос о почитании и популяризации подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской. События XX века должны стать для нас историческим уроком. Настоящая книга дает примеры того, как надо жить и служить, оставаясь твердыми в вере, то есть дает уроки христианского поведения и в церковной, и в семейной жизни. Надеемся, что сборник житий новомучеников и исповедников Северо-Восточного викариатства г. Москвы, приуроченный к 100-летию начала гонений на Русскую Православную Церковь, Декрета об отделении Церкви от государства и 80-летию Большого террора, будет способствовать более глубокому осмыслению исторических событий, происходивших в XX веке, их влиянию на нашу Церковь сегодня и поможет нам не допустить повторения тех страшных событий.

*Председатель Комиссии по увековечиванию
памяти новомучеников и исповедников
Церкви Русской, служивших на приходах
Северо-Восточного викариатства г. Москвы,
протоиерей Сергей Ткаченко*

Содержание

Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла	3
Открывая серию	4

СЕРГИЕВСКОЕ БЛАГОЧИННИЕ

ХРАМ ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ В АЛТУФЬЕВЕ

Священномученик Сергей Лебедев, пресвитер (<i>Архимандрит Дамаскин (Орловский)</i>)	6
Священномученик Василий Смирнов, пресвитер (<i>М. Д. Смирнова</i>)	10
Священномученик Николай Толгский, пресвитер (<i>М. Д. Смирнова</i>)	21

ХРАМ РОЖДЕСТВА

ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ВО ВЛАДЫКИНЕ

Священномученик Иоанн Хрусталеv, пресвитер (<i>Протоиерей Сергей Ткаченко, Е. Н. Рура</i>)	44
Священномученик Сергей Станиславлев, диакон (<i>Протоиерей Сергей Ткаченко, Е. Н. Рура</i>)	56
Мученик Николай Некрасов (<i>Протоиерей Сергей Ткаченко, Е. Н. Рура</i>)	63
Блаженная Матрона Анемнясевская, исповедница (<i>Архимандрит Дамаскин (Орловский)</i>)	72

ХРАМ МУЧЕНИКОВ

АДРИАНА И НАТАЛИИ В БАБУШКИНЕ

Священномученик Владимир Моринский, пресвитер (<i>Архимандрит Дамаскин (Орловский)</i>)	130
---	-----

Священномученик Григорий Самарин, диакон (<i>Архимандрит Дамаскин (Орловский)</i>)	133
--	-----

ТРОИЦКОЕ БЛАГОЧИННИЕ

ХРАМ В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ» В МАРЬИНОЙ РОЩЕ

Священномученик Феодор Смирнов, диакон (<i>Архимандрит Дамаскин (Орловский)</i>)	140
Преподобномученица Екатерина (Константинова) (<i>Архимандрит Дамаскин (Орловский)</i>)	144

ХРАМ В ЧЕСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ РИЗЫ

ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ВО ВЛАХЕРНЕ В ЛЕОНОВЕ

Священномученик Павел Фелицын, пресвитер (<i>Архимандрит Дамаскин (Орловский)</i>)	149
Послесловие	153

УДК 244
ББК 86 372
Н746

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-812-0470

Новомученики и исповедники Московские. Северо-
Н746 Восточное викариатство. — М. : Издательство Москов-
ской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. —
160 с. : ил. — («Кто ны разлучит от любви Божия...»).

Настоящим изданием открывается серия житий новомучеников и исповедников города Москвы. Сборники будут содержать жития святых, сгруппированные по викариатствам, а для Центрального викариатства — по благочиниям.

Первая книга серии посвящена новомученикам и исповедникам, судьба которых была связана с храмами, находящимися на территории современного Северо-Восточного викариатства Москвы.

Публикация книг серии позволит священнослужителям и прихожанам московских храмов ближе соприкоснуться с подвигом, совершенным новомучениками и исповедниками Церкви Русской, жившими в первопрестольном граде.

- © Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2018
- © Дамаскин (Орловский), архим., текст, 2018
- © Ткаченко Сергей, прот., текст, 2018
- © Е. Н. Рура, текст, 2018
- © М. Д. Смирнова, текст, 2018
- © Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, оригинал-макет, 2018

Духовно-просветительская православная литература

Серия «Кто ны разлучит от любви Божия...»

Дамаскин (Орловский), архимандрит;
Сергий Ткаченко, протоиерей;
Рура Е. Н.; Смирнова М. Д.

**НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ
МОСКОВСКИЕ**
Северо-Восточное викариатство

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редактор *Н. Мамлина*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректоры *Г. Абудеева, М. Просветова*
Дизайн *А. Кулемин*
Верстка *М. Алимбиев*

На обложке размещена икона «Собор новомучеников, в Бутове пострадавших» (фото предоставлено храмом Святых новомучеников и исповедников Российских в Бутове)

ISBN 978-5-88017-724-0

Подписано в печать ??.06.2018.
Формат 60×84/16. Объем 10,0 печ. л.
Печать офсетная. Тираж ? 000 экз. Заказ №
Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, Погодинская ул., 18
Оптовый отдел реализации:
+7 (499) 246-20-85, +7 (499) 246-52-08
Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68
Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35
E-mail: books@rop.ru. <http://www.rop.ru>